Annotation

Христианство и инициация, Рождение Аватара, Et-Tawhid, Влияние исламской цивилизации на Европу, Рецензия на итальянское издание книги "Протоколы сионских мудрецов", Письма Гвидо Де Джорджио

Рене Генон
Различные работы (сборник)

Христианство и инициация

Часть 1

Мы не собирались возвращаться к вопросам, связанным с выяснением истинного характера христианства, так как нам казалось, что все высказанное нами по этому поводу (часто вскользь) в предыдущих статьях и книгах, достаточно ясно выражает наше мнение на этот счет. Причем мы и представить себе не могли, что наши идеи могут быть создать неверно истолкованы нашими читателями.[1] К сожалению, мы вынуждены констатировать, что такое неверное и глубоко ошибочное истолкование действительно имело место, причем у довольно значительного числа наших читателей, и это заставило нас уточнить в этом вопросе некоторые наиболее существенные аспекты. Мы должны признать, что делаем это с некоторой неохотой, так как мы никогда не испытывали особого желания затрагивать данную тему. Этому есть много причин, одной из которых является тот странный и почти непроглядный мрак, которым окутано все, имеющее отношение к происхождению и первым векам Христианства. Если внимательно вдуматься в этот феномен, нельзя не заметить, что вряд ли такая пелена неизвестности и тайны является чистой случайностью и что, скорее всего, за этим кроется чья-то сознательная воля. Это последнее замечание следует постоянно иметь в виду в нашем дальнейшем изложении.

Несмотря на все трудности, возникающие в рассмотрении этого вопроса, есть один момент, который не подлежит никаким сомнениям. Его не отрицают и те, кто согласен с нашей позицией относительно Христианства, и те, кто возражает нам, причем часто, именно этот момент ставится во главу угла таких возражений. Он заключается в следующем: Христианство, которое сегодня безусловно представляет собой религиозную и экзотерическую традицию, изначально имело совершенно иной характер, характер сугубо эзотерический и инициатический, что проявлялось и в его ритуалах и в его доктринах. Подтверждением этого служит традиционное отношение исламской традиции к раннему христианству как к «тарике», т. е. как инициатическому пути, а не как к версии «шариата», т. е. ко внешней и вседоступной социальной экзотерической доктрине. Это настолько очевидно, что Христианству пришлось позднее заимствовать «каноническое» право (т. е. экзотерическую догму) извне,[2] и им было ничто иное как несколько адаптированное римское право. Таким образом, христианский экзотеризм

был не развитием вовне внутренних принципов, заключенных в самой христианской доктрине, а целиком был почерпнут из иной, нехристианской традиции. В этом нет никаких сомнений, так как в Евангелии нет ни одного предписания, которое можно было бы истолковать как экзотерическое законоположение. Фраза — "отдайте кесарю кесарево", представляется нам чрезвычайно значительной в этом смысле, так как в ней однозначно утверждается принятие христианством в вопросах внешнего законоуложения тех порядков, которые не имели с самой христианской традицией ничего общего; порядков, свойственных той социальной среде, в которой христианство зародилось, а такой средой юридически была римская Империя. Если бы христианство изначально было тем же самым, которым оно стало в последствие, отсутствие экзотерической стороны было бы недопустимым и серьезным упущением. Более того, сам факт такого упущения был бы не только не объясним, но и вообще невозможен в любой ортодоксальной и подлинной традиции, так как любая законченная и полноценная традиция должна с необходимостью иметь как эзотерическую, так и экзотерическую стороны, и именно ко внешней, экзотерической стороне она должна апеллировать в первую очередь. Если же допустить, что Христианство изначально было исключительно инициатической и эзотерической традицией, то отсутствие в нем специфического экзотеризма будет выглядеть не как упущение, но как сознательный отказ от вмешательства в совершенно чуждую ему по определению область.

Коль скоро это было так, то христианская Церковь в первые века своего существования являлась закрытой или полузакрытой организацией, в которую допускались не все желающие, но только те, кто отвечали необходимым критериям для получения особой «христической» инициации. Даже сегодня еще можно отыскать многие факты, которые подтверждают, что дело обстояло именно таким образом, хотя чаще всего эти факты остаются либюо вообще неопонятыми, либо их подлинный смысл грубо извращается вследствие сугубо современной тенденции отрицать все, имеющее отношение к эзотеризму.[3] Такая Церковь в целом была сопоставима с буддийской Сангхой, допуск в которую является самой настоящей инициацией.[4] Часто Сангху уподобляют монастырю, и это отчасти верно, поскольку ее внутренние распорядки, равно как и правила христианских монастырей, имели сугубо эзотерический характер, и в силу этого не могли быть распространены на все общество, среди которого Сангха существовала.[5] Таким образом, случай Христианства не является

уникальным явлением среди различных традиций, и одно это должно было бы сгладить то удивление, которые может возникнуть кое у кого пристолкновении с традицией, не имеющей экзотерической стороны. Быть может, гораздо сложнее объяснить почему Церковь так радикально изменила свое качество вплоть до того стостояния, в котором она пребывает сегодня, но мы вернемся к этому вопросу несколько позже.

Мы говорили выше о тех возражениях, с которыми мы часто сталкиваемся при изложении наших взглядов на Христианство, эти возражения сводятся к следующему: если христианские ритуалы и, в частности, церковные таинства имели некогда инициатический характер, то как они смогли утратить этот характер и превратиться в ритуалы чисто экзотерические?[6] По мнению наших оппонентов, это невозможно и заключает в себе противоречие, так как инициация и все с ней связанное обладает качеством постоянства и неизменности, а поэтому не может утратить своего качества ни при каких обстоятельствах; следовательно, продолжают они, всилу определенных обстоятельств и после допуска в лоно инициатической организации подавляющего большинства неквалифицированных индивидуумов полноценная и эффективная инициациация превращается лишь в виртуальную и потенциальную иницициацию.[7] Но ошибочность этого довода нам представляется очевидной: инициация, как мы много раз повторяли, действительно придает получившим ее особое качество, которое не может быть утрачено или отнято, и которое дается раз и навсегда; но это неизменность и необратимость присуща только людям, получившим инициацию, а не тем ритуалам или особым жестам, призванным передавать духовные влияния, которые служат «техническим» средством инициации. Поэтому совершенно несправедливо смешивать эти два случая, являющиеся совершенно различными и по своему смыслу и по своей приоде, и мы никогда не давали повода для подобных двусмысленностей. Наши оппоненты в этом вопросе часто ссылаются на тот факт, что христианские таинства совершаются при непосредственном участии Святого Духа, что само по себе совершенно верно, но сути вопроса не меняет. То обстоятельство, что духовные влияния называются именно таким образом, как в христианской традиции (Святой Дух), так и в других традициях, это совершенно обоснованно, поскольку речь идет о воздействии, чья природа является воистину трансцендентной и сверх-индивидуальной. Если бы все обстояло как-то иначе, мы имели бы дело не с духовными, а лишь с психическими влияниями. Но все же, полностью признавая участие именно

духовного воздействия в христианских таинствах, мы убеждены, что одни и те же влияния (или влияния сходные по своей природе) вполне могут оказывать различные эффекты взависимости от того, к каким конкретным модальностям или к каким областям реальности они прилагаются. И разве одно только обстоятельство, что данное влияние имеет духовную природу, уже с необходимостью предполагает, что все возможные эффекты, оказанные им, так же будут принадлежать к области трансцендентного?[8] Мы совершенно не понимаем, почему это должны быть именно так, и более того, убеждены в обратном. Мы всегда настаивали на том факте, что духовное влияние с необходимостью присутствует и в экзотерических ритуалах, и в инициатических ритуалах, но производимые ими эффекты в обоих случаях различны. И если этого различия не существовало бы, само деление традиции на эзотерическую и экзотерическую части не имело бы смысла.[9] Так почему же не признать, что нет ничего не вероятного в том, что духовное влияние, связанное с христианскими таинствами, будучи изначально ориентированным на сугубо иницатическую область, переориентировалось (под воздействием определенных обстоятельств и как раз отвечая качеству этих обстоятельств) на более низшие уровни — на уровни религиозные и экзотерические? При этом эффекты данного влияния отныне ограничились исключительно индивидуальной сферой и перспективой личного «спасения», а «опорные» ритуалы этих влияний остались внешне теми же самыми, поскольку речь шла о продолжении одной и той же христианской традиции, связанной с изначальной и единой «христической» ориентацией. Это именно так и есть в действительности, и следует постоянно настаивать на том факте, что в нашу эпоху, и начиная уже с очень далекого от нас времени, христианские ритуалы ни в коем случае нельзя рассматривать как ритуалы инициатические.[10] Но следует заметить при этом неадекватность употребления слова «потеря», "утрата", относительно переориентации двуховного влияния, о котором здесь идет речь, с инициатического на религиозный уровень. Слово «потеря» подразумевает нечто сулчайное, что в данном случае совершенно неверно, так как речь шла о сознательно адаптации, которая, несмотря на определенные негативные стороны, была совершенно оправдванна и жизненно необходима в конкретных пространственно-временных обстоятельствах.

Если принять во внимание то печальное состояние, в котором в эпоху распространения христианства пребывали страны Запада, входившие в состав Римской империи, то без «снисхождения» Христианства на

экзотерический уровень все эти страны вместе взятые в скором времени лишились бы всякой традиции, поскольку их собственные традиции, и особенно доминирующая герко-романская традиция, достигли точки предельного вырождения, что свидетельствовало о неминуемом и скором конце цикла их существования.[11] Это «снисхождение» не было ни случайностью, ни извращением, напротив оно насило «провиденциальный» характер, поскольку только это помешало Западу скатиться тогда в такую же пропасть (или близкую к ней), в какой он находится в настоящий момент. Но еще не настало тогда времени для окончательной утраты традиции, Западу суждено было дождаться для этого современной эпохи. Провиденциально требовалась «реставрация», а ее сопосбно было осуществить только Христианство. Но для этого ему надо было отказаться от своего эзотерического и «закрытого» характера, который был присущ ему изначально (,[12] и Никейский Собор лишь «санкционировал» свершившийся факт, открыв эру поиска «догматических» формул, чтобы закрепить чисто экзотерическое содержание вероучения.[13] Это, однако, проходило не без некоторых неизбежных трудностей, так как в силу заключения доктрины строго определенные и разграниченные формулировки во многом затруднял глубинное постижение ее смысла даже для тех, кто был на это способен. Кроме того, истины собственно эзотерического уровня отныне могли восприниматься только как «таинства» в обыденном смысле слова, а будучи названными таким образом, уже только один шаг оставался до представления об этих «таинствах» как о чем-то сущностно непостижимом, объяснения которому не только не возможно найти, но и не должно искать. Эти трудности не могли, однако, ни лишить традиции ее легитимности, ни перевесить той бесчисленной выгоды, которую учреждение Христианства как экзотерической организации несло всему западному миру. Впрочем, если Христианство в целом перестало быть иницатическим, внутри его сохранилась возможность специфически христианской инициации, предназначенной для элиты, которая по определению не могла довольствоваться лишь экзотерической точкой зрения и признавать свойственной такой точке зрения ограничения. Но к этому вопросу мы вернемся несколько позднее.

Такое сущностное изменение характера и даже самой природы Христианства прекрасно объясняет то обстоятельство, что предшествующий, инициатический период его существования начиная с определенного момента был покрыт напроницаемым мраком, о чем мы

говорили в начале статьи. Иначе просто не могло быть. Совершенно очевидно, что природа изначального, эзотерического и инициатического Христианства не могла быть более понятной для всех тех, кто был допущен в лоно трансформированного, экзотерического Христианства. И поэтому все, что намекало на истинное качество изначального Христианства, скрывалось от новообращенных непроницаемым покровом. Само собой разумеется, мы не можем здесь исследовать каким конкретно образом это было осуществлено, так как такая задача должна решаться историками, если конечно идея подобного исследования могла прийти кому-нибудь из них в голову. Но скорее всего этот вопрос окажется для них принципиально неразрешимым, так как здесь не приемлимы их обычные методы и, особенно, их привычка опираться на «документы», поскольку никаких «документов» в данном случае просто теоретически не могло быть. Нам же важно лишь зафиксировать сам факт и указать на его глубинное значение. Заметим лишь, что вопреки вероятным объяснениям любителей рационального метода, который на деле остается всегда крайне поверхностным и упрощенным, подобное «затемнение» истоков Христианства никак нельзя объяснить простым невежеством тех, кто осуществлял трансформацию этой традиции из эзотерической в экзотерическую, и уже то обстоятельство, что они сознательно участвовали в этом процессе, говорит об их полной компетентности в эзотерической сфере. Кроме того, совершенно неправильно приписывать, как это любят наши современники, свою собственную ментальность людям иной цивилизации, и искать за подобной трансформацией какие-то «политические» или личные цели, и мы даже теоретически не видим какие выгоды можно было из этого извлечь кому бы то ни было. Напротив, переход Христианства на экзотерический уровень строго соответствовал самой природе вещей и законам традиционной ортодоксии, которая настаивает на четком разделении экзотерической и эзотерической областей.[14]

Могут задать вопрос, что произошло в ходе подобной трансформации с учением самого Христа, которое по определению лежит в основе всего Христианства, без чего данная традиция не имела бы оснований называться этим именем, а кроме того, если это учение было бы отброшено, то неясно что же стало на его место, так как без апелляции к «сверхиндивидуальному» источнику (и в данном случае им является сам Христос) аутентичной традиции просто не может быть? На самом деле, учение Христа в ходе экзотеризаци традиции не было затронуто ни в коей мере во всем, что относится к «буквальному» его изложению. Об этом

однозначно свидетельствует нетронутость самих Евангелий и других текстов Нового Завета, которые несомненно восходят к первому инициатическому периоду Христанства.[15] Изменилось лишь понимание этого учения, или, если угодно, разъяснения его смысла и значения. При этом такое изменение смысла не несло в себе ничего противозаконного, так как одни и те же истины могут применены к весьма различным уровням реальности в силу соответствий и аналогий, которые наличествуют между всеми этими уровнями. Лишь определенные предписания, касающиеся специально инициатического пути и поэтому адресованные к ограниченной и качественно однородной группе людей, стали практически невозможными, применительно ко всему человеческому обществу в целом. Это на практике признается и Церковью, считающей определенные правила лишь "советами по самосоврshенствованию", а не строго обязательными нормами.[16] Это означает, что каждый должен следовать евангельским путем не только по мере своих личных возможностей (что очевидно), но сообразуясь с конкретными обстоятельствами, в которых он находится, а именно только этого и можно требовать от людей, не имеющих никакого стремления выходить за рамки экзоетрической практики.[17] С другой стороны, в учении Христа есть такие инситны, которые могут быть истолкованы как эзотерически, так и экзоетерически, в зависимости от их приложения к различным уровням реальности, но есть и другие, относящиеся исключительно к эзотерической области и вне ее совершенно неприменииыме. Такие истины совершенно непонятны, если их рассматривать с чисто экзотерической точки зрения, и не остается ничего иного, как провозгласить их «догматическими» утверждениями, не пытаясь дать какого бы то ни было объяснения. Это и есть то, что называют христианскими «таинствами». Само существование этих «таинств» было непонятным, если отрицать эзотерический характер изначально Христианства. Если же признать этот характер, то наличие «таинств» легко объяснить как следствие нормальной и неизбежной той «экстериоризации», проделав которую Христианство, в своем учении и в своих ритуалах, сохраняя нетронутой внешнюю форму, превратилась в ту экзотерическую и специфически религиозную традицию, которую мы знаем сегодня под этим именем.

Часть 2

Среди христианских ритуалов (и особенно среди «таинств», являющихся самыми существенными из них) наибольшее сходство с ритуалом инициации имеют те ритуалы, которые совершаются только один раз, и в первую очередь речь идет о крещении. Именно такие ритуалы следует рассматривать как «экстериоризацию» инициации как таковой в изначальном эзотерическом христианстве.[18] Крещение, благодаря которому неофит допускается в христианскую общину и «инкорпорируется» в нее, в эпоху, когда Христианство было инициатической организацией, составляло первую инициацию и соответствовало начало "малых мистерий".[19] Именно поэтому речь идет в данном случае о "втором рождении", которое до сих пор применяется к крещению, даже после того, как этот ритуал перешел на экзотерический уровень. Добавим, что ритуал «конфирмации» некогда означал переход к более выскокой степени, и скорее всего, отмечал собой завершение "малых мистерий". Рукоположение в сан, которое сегодня дает лишь возможность исполнять определенные функции, является «экстериоризацией» сугубо жреческой инициации, относящейся к "великим мистериям".

Чтобы убедиться в том, что Христианство во второй фазе своего существования, утратило иницатический характер своих «таинств» и превратило их в чисто экзотерические ритуалы, достаточно рассмотреть случай с крещением, от котрого, по логике вещей, должно непосредственно зависеть все остальное. Об изначальном Христианстве, несмотря на весь мрак", который его окутывает, известно совершенно точно, что в нем крещение давалось только при соблюдении множества строгих предписаний и после длительной к нему подготовки. Сейчас же все обстоит прямо противоположным образом, и как жется, что Церковь делает все возможное, чтобы упростить и облегчить процедуру осуществления этого таинства, которое не только может быть дано любому человеку без всякой подготовки и независимо от его качеств, но оно считается действительным, кто бы его не осуществил, в то время как остальные таинства могут производиться только священником определенногг сана и исполняющего конкретные ритуальные функции. Такое упрощение в основополагающего основополагающего «таинства», а также обычай крестить детей как можно раньше, желательно сразу после рождения (что, естественно, исключает возможность какой бы то ни было

подготовки к крещению), можно объяснить только радикальной переменой самого смысла крещения. Начиная с определенного момента крещение стало интерпретироваться как таинство, совершение которого является необходимым условием для "спасения души", и следовательно, его следует осуществить над как можно большим количеством индивидуумов. Раньше же оно имело совершенно иной смысл. Догмат о том, что "спасение души", которое есть конечная цель всех экзотерических ритуалов, возможно только через вступление в лоно Церкви, является следствием характерного «эксклюзивизма», неизбежно присущего всякому экзотеризму как таковому. Мы не считаем нужным останавливаться на этом дольше, так как слишком очевидным является тот факт, что ритуал, совершенный над новорожденным ребенком и без каких-либо традиционных способов определения его внутреннего врожденного качества, не может носить характер инициации, даже понимаемой как инициация чисто виртуальная.[20] Впрочем, к сохранению виртуальной инициации в Христианстве мы скоро вернемся.

Заметим еще одну важную особенность: в современном Христианстве, в противоположность Христианству изначальному, все обряды носят публичный характер. При них может присутствовать кто угодно, даже если речь идет о наиболее «закрытых» ритуалах — какими должны были бы являться рукоположение в сан или посвящение в епископы, и с еще большим основанием крещение или конфирмация. Когда речь идет о подлинной инициации, ничего подобного не может иметь места, так как инициация может совершаться только в присутствии тех, кто ее уже получил.[21] Инициация и эзотеризм, с одной стороны, и прозелитизм с другой стороны, суть дву взаимоисключающие вещи. Однако этот аргумент мы не считаем основным в доказательстве нашего главного тезиса, так как если бы он был единственным, на него можно было бы возразить, что речь идет о некотором вырождении традиции, как этотимеет место иногда в инициатических организациях, не перестающих от этого являться аутентичными хранительницами виртуальной инициации. Но мы видели, что нисхождение Христианства на экзотерический уровень нельзя ни коим образом рассматривать как «вырождение», а кроме того, другие высказанные нами соображения достаточно убедительо доказывают, что в данном случае ни о какой инициации речь идти не может.

Если бы в Христианстве сохранялась виртуальная инициация, как полагают наши оппоненты, и если бы соответственно прошедшие через христианские таинства и даже через одно только крещение, отныне были

избавлены от необходимости искать какой бы то нибыло иной инициации,[22] то чем объяснить существование специфически христианских инициатических организаций, без всяких сомненений наличествовавших на продолжении всего Средневековья, ведь в этом случае их особые инициатические ритуалы являлись бы излишним и ненужным в принципе повторением таинств Церкви? Могут возразить на это, что таинства Цекрви имели отношение только к "малым мистериям", а поиск иных форм инициации был характерен для тех, кто стремился быть посвященным в "великие мистерии". Но подобное соображение по меньшей мере нелогично, так как трудно вообразить, что все члены средневековых инициатических организаций были заинтересованы именно областью "великих мистерий". Напротив, сам факт существования и широкого распространения христианского герметизма уже говорит об обратном, поскольку герметизм как таковой имеет отношение почти исключительно к области "малых мистерий". То же самое касается и профессиональных, цеховых инициаций, которые, даже если они и не были полдностью христианскими, тем не менее, требовали от членов своих организаций практиковать христианский экзотеризм.

Теперь попытаемся прояснить другой аспект, так как кое-кто может сделать из нашего изложения следующее ложное заключение: если христианские таинства не имеют никакого инициатического характера, то они принципиально и ни в коем случае не могут произвести иницатического эффекта, а это утверждение, в совю очередь, опровергается многими историческими фактами.[23] На самом деле, таинства не могут сами являться причинами этих эффектов, так как их воздействие строго ограничено экзотерической сферой, поэтому подобные случаи нуждаются в особом обяснении. Там, где существует подлинная инициация, связанная с конкретной традицией и опирающаяся на экзотеризм этой традиции, экзотерические ритуалы могут быть «перенесены» на иной уровень, но только в том случае, когда речь идет о тех, кто получил соответствующую инициацию, и ни о ком другом. Такие люди могут использовать экзотерические ритуалы как опору для инициатического делания, а следовательно для таких посвященных эффекты чисто экзотерических таинств перестанут ограничиваться исключительно экзотерической сферой, как это имеет место для подавляющего большинства, прктикующего соответствующую экзотерическую традицию. В этом отношении Христианство не отличается от других аутентичных традиций, но для того чтобы это было возможно,

должно выполняться основное условие — должна существовать подлинная сугубо христианская инициация. При этом, инициатическое использование экзотерических обрядов ни коим образом не отменяет предварительного получения регулярной и ортодоксальной инициации, и более того, только наличие такой инициации является нееобходимым условием самой возможности такого использования. И никакая исключительная личная квалификация не может заменить собой данное условие, при не соблюдении которого даже все исключительные способности, превышающие средний уровнь, приведут лишь к той или иной форме религиозного мистицизма, а он, в сою очередь, остается целиком и полностью в рамках религиозного экзотеризма.

Эти пояснения помогают нам понять истинную природу тех средневековых авторов, которые оставили после себя тексты откровенно инициатического характера, но которые совершенно ошибочно причисляются сегодня к категории «мистиков», тогда как они являлись чем-то совершенно иным. В таких случаях речь шла не о какой-то «спонтанной» инициации и не об исключительном воздействии виртуальной инициации, связанной с церковными таинствами и ставшей по каким-то причинам вновь эффективной, но о вполне регулярных инициатических организациях, существовавших в ту эпоху под прикрытием определенных религиозных орденов, не смешиваясь при этом с ними самими. Мы не можем здесь подробнее остановиться на этом, и укажем лишь на тот факт, что как раз в тот момент, когда такие инициатические организации прекратили свое существование, или по меньшей мере, стали крайне трудно доступными для того, чтобы возможность участия в них продолжала оставаться сравнительно открытой, и появился феномен мистицизма в полном смысле этого слова, и такое хронологическое совпадение однозначно указывает, что оба этих явления тесно связаны между собой.[24] Заметим одноак, что все сказанное нами здесь имеет отношение только к католической Церкви, и весьма показательным является тот факт, что в Восточных Церквях никогда не существовало такого феномна как западный мистицизм в том виде, в каком он возник в XVI веке. Это обстоятельство наводит на мысль, что определнные формы христианской инициации еще сохранились в этих Восточных Церквях, и это подлностью подтверждается в случае исихазма, инициатический характер которого не вызывает никаких сомнений, даже в тех случаях, когда он значительно потускнел под воздействием современного мира. Имунитетом по отношению такого воздействия, которе является естественным следствием общего качества нашей эпохи,

обладают только исключительно редкие и мало распространенные формы инициации, не зависимо от того, бьыли ли они таковыми всегда или сознательно приняли решение «закрыться», чтобы избежать неизбежного в нынешних условиях вырождения. В исихазме инициация в полном смысле этого слова заключается в ритуальной и регулярной передаче определенных формул,[25] напоминающих мантры индуистской традиции или «вирд» исламских тарикатов. Существует также особая «техника» призывания божественного имени, как средство внутреннего делания.[26] Такая «техника» не имеет ничего общего непосредственно с христианскими экзотерическими ритуалами, но при этом исихаст может опираться в своем внутреннем делании и на эти ритуалы, как мы объяснили выше, при условии, что в результате инициации через конкретные формулы ему было передано особой инициатическое духовное влияние, использующее эти формулы как «оболочку». Но такая передача предполагает наличие непрерывной инициатической цепи, так как передать можно только то, что от кого-то было ранее получено.[27] И на этом вопросе мы, к сожалению, не можем остановится подробнее, хотя тот факт, что исихазм сохранился вплоть до наших дней открывает возможность найти в нем определенные разъяснения относительно характера и методов других форм христианской инициации, которые, увы, беззвозвратно утрачены.

В заключение, мы могли бы резюмировать все вчышесказанное следующим образом: несмотря на свое инициатическое происхождение, Христианство в настоящий момент является лсключительно религией, т. е. традицией сугубо экзоетрического уровня, и следовательно, оно не несет в себе никаких иных возможностей, кроме возможностей, свойственных всякому экзотеризму. Само оно и не претендует ни на что большее, так как его задачей является лишь обеспечения «спасения». Естественно, соответствующая инициация может накладываться на эту традицию, и более того, в нормальному случае, она должна накладываться, так как воистину полноценная традиция всегда имеет два уровня — эзотерический и экзотерический. Но на современном западе такая форма инициатического Христианства более не существует. Безусловно, строгое соблюдение экзотерических обрядов совершенно достаточно для обеспечения «спасения». И это уже много, и в нашу эпоху это единственное, но что может расчитывать подавляющее большинство современных человеческих существ. Но что делать в таких условиях тем, о ком некоторые суфии говорят, что "Рай для них не более, чем тюрьма"?

Рождение Аватара

Отмеченная нами связь между символизмом сердца и символизмом "Яйца Мира" подводит нас в вопросе "второго рождения" к новому аспекту. Этот аспект рассматривает "второе рождение" как рождение духовного принципа в центре человеческой индивидуальности, а эта индивидуальность в целом и символизируется, как известно, сердцем. На самом деле, духовный принцип всегда пребывает в центре всякого существа, но в случае обычного человека, он наличествует в скрытом состоянии, а когда речь идет о «рождении», то под этим понимают отправную точку явственного и действенного развития. Вот эта отправная точка и предопределяется или, по меньшей мере, становится возможной благодаря инициации. С одной стороны, духовное влияние, передаваемое в ходе инициации отождествляется с самим этим наличествующим духовным принципом. С другой стороны, если учитывать, что этот духовный принцип уже заведомо наличествует в существе, инициация «оживляет» его ("оживляет" не для него самого, но в отношении существа, в центре которого он пребывает). Иными словами, инициация делает «действительным» присутствие этого принципа, который без этого оставался бы только «возможным». Символизм рождения может применяться и в первом и во втором значении.

Теперь следует уяснить, что в силу аналогии, существующей между «макрокосмом» и «микрокосмом», то, что называют "Яйцом Мира" (едва ли надо специально указывать на то, что яйцо естественным образом связано с рождением, с началом жизни нового существа), на самом деле, строго тождественно символическому содержанию сердца:[28] речь идет о духовном «зародыше», который на макрокосмическом уровне соответствует реальности, называемой индуистской традицией "хираньягарбха".[29] Этот «зародыш», в отношении мира, в центре которого он находится, и есть собственно примордиальный Аватара.[30] Однако место рождения Аватара, как и той реальности, которая соответствует ему на макрокосмическом уровне, изображается в виде сердца, отождествляемого в данном случае с «пещерой», а инициатический символизм "пещеры"[31] слишком объемен для того, чтобы развить его здесь. Все это ясно выражено в текстах, подобно этому: "Знай, что Агни, который является основой вечного (принципиального) мира, и посредством

которого, этого мира можно достичь, скрывается в пещере (сердца)".[32] Могут возразить, что в данном случае, как и во многих других, Аватарой назван Агни, но в "Мировое Яйцо" был помещен не Агни, а Брахма, чтобы родится из него как Хираньягарбха, по этой причине само "Мировой Яйцо" и названо «брахманда». На это можно ответить следующее: помимо того, различные имена на самом деле описывают лишь различные божественные аспекты или атрибуты, которые, естественно, неразрывно связаны друг с другом, и отнюдь не являются раздельными «сущностями», в более узком смысле хираньягарбха считается принципом световой, а следовательно, огненной природы,[33] а значит "золотой зародыш" тождественен самому Агни.[34]

Переходя теперь к макрокосмическому уровню напомним об аналогии между пинда, тонким семенем индивидуального существа, и Брахмандой ("Яйцом Мира").[35] Но пинда, будучи постоянным и неразрушимым «семенем» существа, отождествляется в свою очередь с "ядром бессмертия", называемым в еврейской традиции "luz".[36] Конечно, в большинстве случаев нахождение luz в человеческом организме указывается в иных местах, нежели сердце, или иными словами, хотя такую «локализацию» в человеческом теле и нельзя исключить вовсе, она не является, безусловно, самой распространенной. Но что касается "второго рождения", то именно luz неизменно упоминается в этом контексте. Что же касается этих «локализаций», связанных с индуистской доктриной чакр или тонких центром человеческого существа, то они могут меняться в зависимости от состояний или фаз духовного развития этого существа, которые соответствуют действительным фазам реализованной инициации: в основании позвоночника luz пребывает в состоянии «сна», т. е. у обычных существ; в сердце он расположен в начальной стадии развития, т. е. в стадии "второго рождения" или «произрастания»; на месте "третьего глаза" он находится в состоянии совершенствования человеческого существа, т. е. в после его реинтеграции в "примордиальное состояние"; и наконец, на макушке головы — в период перехода в сверхиндивидуальным состояниям, который должен в конечном счете привести к "Высшему Тождеству".

Мы не можем более настаивать на исследовании этих символов, которые связаны в свою очередь с цепочкой других символов и т. д., так как это лучше сделать в отдельной книге. Здесь же мы хотели высказать лишь самые общие соображения, а разбор символов был привлечен лишь в качестве «иллюстраций». В заключение скажем лишь, что инициация, как

"второе рождение" на самом деле, является «актуализацией» в человеческом существе того принципа, который в рамках универсального проявления проявляется как "Вечный Аватара".

Et-Tawhid

Перевод с франц. Ю. Темникова

Доктрина Единства, то есть утверждение того, что Принцип всякого существования[37] сущностно Един, является фундаментальной характеристикой всех ортодоксальных традиций; более того, мы можем сказать, что именно здесь, в этом утверждении, и даже в том, какое выражение оно находит, наиболее четко проявляется их глубинная тождественность. В самом деле, когда речь заходит о Единстве, изглаживается всякое разнообразие, и только когда нисходят до множественности, обнаруживаются формальные различия: тогда самих способов выражения сущностно Един, является фундаментальной характеристикой всех ортодоксальных традиций; более того, мы можем сказать, что именно здесь, в этом утверждении, и даже в том, какое выражение оно находит, наиболее четко проявляется их глубинная тождественность. В самом деле, когда речь заходит о Единстве, изглаживается всякое разнообразие, и только когда нисходят до множественности, обнаруживаются формальные различия: тогда самих способов выражения — не меньше, чем соотносящихся с ними вещей, и эти способы могут претерпевать бесчисленные изменения в зависимости от обстоятельств места и времени. Однако "доктрина Единства единственна" (согласно арабской формуле: *Et-Tawhîduwâhidun*[38]), то есть она одна и та же всегда и везде, неизменна, как и сам Принцип, независима от множественности и преобразований, которые способны затронуть лишь приложения случайного порядка.

И можем ли мы также сказать, что, вопреки расхожему мнению, реально «политеистическая» доктрина, то есть такая, которая допускала бы абсолютную и несводимую множественность принципов, не существовала никогда и нигде. Такой «плюрализм» возможен только как отклонение, следующее из непонимания и невежества масс, из их стремления приобщиться исключительно к множественности очевидного: отсюда, во всех его проявлениях, «идолопоклонство», рождающееся вследствие смешения символа самого по себе — с тем, что он призван выразить, и персонификация божественных атрибутов, которые начинают рассматриваться как независимые существа; и таково единственно возможное происхождение всякого фактического «политеизма». Кроме

того, эта тенденция усиливается по мере развертывания некоторого цикла проявления, поскольку само развертывание является нисхождением в множественность, а также вследствие духовного помрачения, которым оно неизбежно сопровождается. Вот, почему новейшие традиционные формы суть те, в которых утверждение Единства должно было проявиться самым очевидным образом, дабы иметь наибольший резонанс; и действительно, это утверждение еще нигде не было выражено столь эксплицитно и с такой настойчивостью, как в Исламизме, где оно, кажется, вобрало в себя всякое другое утверждение.

В этом отношении, единственным различием между традиционными доктринами является обозначенное выше: несмотря на то, что утверждение Единства имеет место всюду, в начале не было нужды в том, чтобы оно было сформулировано столь откровенно, дабы предстать как наиболее явная из всех истин: люди тогда еще не были удалены от Принципа в такой степени, чтобы потерять это из виду. Теперь же, напротив, можно сказать, что большинству из них, с головой ушедших в множественность и утративших интуитивное знание истин высшего порядка, понимание Единства дается с немалым трудом; и именно поэтому, по мере развития истории земного человечества, становится необходимым формулировать это утверждение все чаще и все более отчетливо, и даже можно сказать все более энергично.

Обратившись к актуальному положению вещей, мы увидим, что утверждение Единства в некоторых традиционных формах является, так сказать, более завуалированным. Порой оно даже составляет как бы их эзотерическую сторону (если брать слово «эзотерический» в самом широком его смысле), тогда как в других формах оно бросается в глаза, так что порой затмевает собой все остальное, хотя и в этих формах также, безусловно, имеется множество других утверждений, однако же, меркнущих по сравнению с этим. Таково, как раз, положение дел в Исламизме, даже если брать одну только экзотерическую его сторону; эзотеризм в данном случае лишь объясняет и развивает все то, что содержится в этом утверждении и что из него следует; и если это нередко делается при помощи терминов идентичных тем, что встречаются в других традициях, таких, как Веданта и Даосизм, то этому ничуть не стоит удивляться, как не стоит видеть здесь результат заимствований, весьма сомнительных с исторической точки зрения; так происходит просто потому, что истина одна и потому, что в этом принципиальном порядке Единство, как было сказано в начале, неизбежно проявляется даже в самих средствах выражения.

С другой стороны следует заметить, по-прежнему рассматривая настоящее положение вещей, что западным, а еще точнее, северным, народам, кажется, наиболее трудно понять доктрину Единства, тем паче, что они более чем все остальные, озабочены изменением и множественностью. Эти вещи, очевидно, связаны между собой, и нет ли здесь чего-то, что, по крайней мере, отчасти, зависит от условий существования этих народов: мы имеем в виду вопрос темперамента, но также и вопрос климата (первый из них, по крайней мере, в определенной степени, находится в зависимости от второго). В самом деле: в северных краях, где солнечный свет слаб, где часто пасмурно, вещи представляются, так сказать, имеющими одинаковое значение, — и в этом свете попросту утверждается их индивидуальное существование, за которым как будто ничего нет; так, даже в повседневной жизни, люди, поистине, видят только множественность. Но все обстоит совершенно иначе в тех странах, где сияющее солнце, если так можно выразиться, вбирает в себя все вещи, так что те исчезают, как исчезает множественность перед лицом Единства; исчезает не потому, что перестает существовать в согласии с собственным способом, но потому, что это существование, строго говоря, — ничто по сравнению с Принципом. Таким образом, Единство становится, в некотором роде, ощутимым: этот солнечный блеск — образ пламенеющего ока Шивы, обращающего в пепел всякое проявление. Здесь солнце не может не утверждаться как характернейший символ Единого Принципа (AllahuAhad), который есть необходимое Бытие, единственный Самодостаточный в Своей абсолютной полноте (AllahuEs-Samad), и от которого целиком зависит существование и содержание всего на свете, всех вещей, которые вне Его были бы ничем.

"Монотеизм", если можно употребить это слово для перевода Et-Tawhid, несмотря на то, что оно несколько сужает значение данного термина, практически с неизбежностью наводя на мысль об исключительно религиозной точке зрения, — итак, «монотеизм», скажем мы, имеет сущностно «солярный» характер. Нигде он не является столь «ощутимым», как в пустыне, где разнообразие вещей сведено к минимуму и где миражи, в то же время, выказывают все, что есть иллюзорного в проявленном мире. Там солнечное излучение производит вещи и разрушает их в свой черед; или, точнее, поскольку «разрушает» не совсем то слово, — трансформирует и вновь вбирает их в себя после того, как проявит. Вряд ли найдется более верный образ Единства, распространяющегося в множественность, не переставая при этом быть самим собой, не затронутым ею, — и затем приводящего к себе эту множественность, в

реальности, никогда из него и не выходившую, так как ничто не может оказаться вне Принципа, к которому нельзя ничего прибавить и у которого невозможно ничего отнять, поскольку Он есть неделимая тотальность единственного Существования. При свете дня в странах Востока достаточно просто видеть, чтобы понять природу этих вещей, чтобы немедленно схватить их глубокую истинность; и в особенности, кажется, невозможно не постичь их таким образом в пустыне, где солнце выводит на небесах божественные Имена огненными буквами.

Gebel Seyidna Mousa, 23 shawal 1348 H.
Mesr, Seyidna El-Hussein, 10 moharram 1349 H.
(годовщина битвы при Кербеле).
Le Voile d'Isis, juillet 1930. — P. 512–516.

Влияние исламской цивилизации на Европу

Перевод Ю.Н. Стефанова

Большинство европейцев неспособно ни в должной мере оценить всю важность вклада, полученного ими от исламской цивилизации, ни осмыслить суть этих заимствований, а кое-кто не имеет обо всем этом даже приблизительного понятия. Подобное положение дел объясняется тем, что исторические дисциплины, в том виде, в каком они преподаются, привыкли не только произвольно истолковывать факты, но и намеренно искажать их. Эта система образования кичится своим пренебрежительным отношением к исламской цивилизации и старается при каждом удобном случае умалить ее заслуги. Курсы истории, читаемые в европейских университетах, ни в коей мере не отражают влияния, о котором идет речь. То, что следовало бы всячески распространять как в устной, так и в письменной форме, систематически замалчивается, особенно когда речь идет о наиболее важных исторических проблемах.

Общеизвестно, например, что Испания в течение нескольких веков жила по законам Ислама, однако никогда не говорится, что так обстояло дело и в других областях Европы, скажем, в Сицилии и южной части теперешней Франции. В прошлом это умолчание еще можно было как-то объяснить наличием определенных религиозных предрассудков. Но что сказать о современных историках, в большинстве своем людях без религиозных, а то и противниках любой религии, когда они спешат подхватить лживые домыслы своих предшественников?

Причины всего этого следует искать в гордыне и самомнении европейцев, мешающих им осознать всю важность вклада, полученного с Востока.

Поразительнее всего в этом отношении то, что они мнят себя прямыми наследниками эллинской цивилизации, хотя факты полностью опровергают подобные притязания. История со всей очевидностью установила, что греческая наука и философия дошли до европейцев через мусульманских посредников. Иначе говоря, духовное наследие эллинов было воспринято Европой лишь после того, как его серьезнейшим образом изучили и усвоили на Ближнем Востоке; не будь исламских ученых и

философов, европейцы еще долго пребывали бы в полном незнании этого наследия, а может быть так никогда и не познакомились бы с ним.

Следует заметить, что речь здесь идет о влиянии исламской цивилизации в целом, а не только ее арабской ветви, как это нередко понапрасну утверждается. Ведь большинство из тех, кто служил проводником этого влияния на Западе, не принадлежало к арабской расе и пользовалось арабским языком лишь вследствие того, что приняло религию Ислама.

Поскольку мы упомянули об арабском языке, приведем еще одно доказательство распространения мусульманского влияния на Западе: оно заключается в куда более широком, чем принято считать, заимствовании арабских терминов и корней, которые вошли почти во все европейские языки и используются вплоть до теперешнего дня, хотя большинство европейцев и не подозревают об их истинном происхождении. А поскольку слова являются не чем иным, как переносчиками идей и средством передачи мыслей, нетрудно понять, что этот факт свидетельствует о передаче самих исламских идей и понятий.

Обширное влияние исламской цивилизации явственно ощущалось во всех областях жизни, в науке, в искусствах, философии и т. д. В свое время важнейшим оплотом и основным центром распространения этой цивилизации была Испания. В наши намерения не входит ни разбор каждой из данных проблем, ни определение размаха исламской цивилизации, мы хотели бы только указать на некоторые факты, представляющиеся нам особенно важными, хотя важность эту способны осознать лишь немногие из наших современников.

Возьмем проблему наук — как естественных, так и математических. Можно с уверенностью сказать, что некоторые из естественных отраслей знания были в полном объеме заимствованы Европой у исламской цивилизации. Химия, например, до сих пор сохранила свое арабское наименование, восходящее, как известно, к древнему Египту, несмотря на то, что первоначальный и углубленный смысл этой науки стал совершенно недоступен нашим современникам и, можно сказать, навсегда утрачен для них.

Или астрономия. Соответствующие ей технические термины во всех европейских языках по большей части свидетельствуют об их арабском происхождении; названия большинства небесных тел тоже звучат по-арабски в устах астрологов всего мира. Это объясняется тем, что труды античных астрономов, таких как Птолемей Александрийский, стали известны в Европе только благодаря арабским переводам и сочинениям их

мусульманских последователей. Столь же легко можно было доказать, что большинство географических знаний, касающихся наиболее отдаленных краев Азии или Африки, долгое время добывалось исключительно арабскими путешественниками, посещавшими эти края; подобные факты можно умножать до бесконечности.

Относительно многих изобретений, являющихся всего-навсего прикладной стороной естественных наук, можно сказать, что и они попадали в Европу через мусульманских посредников; достаточно вспомнить хотя бы о знаменитых водяных часах, подаренных Карлу Великому халифом Харуном эль-Рашидом.

Что же касается математических наук, то им в этой связи следует уделить особое внимание. Дело в том, что данные, относящиеся к этой обширной области знания, полученные на Западе от арабской цивилизации, происходили не только из древнегреческих, но и из индийских источников. Греки, как известно, особенно преуспели в развитии геометрии, так что даже арифметика у них была прежде всего связана с рассмотрением соответствующих геометрических фигур. Предпочтение, отдаваемое геометрии, особенно ясно видно на примере Платона. Существует, однако, раздел математики, родственный арифметике, который, в противоположность остальным се разделам, неизвестен в европейских языках под греческим названием по той причине, что сами древние греки не имели о нем понятия. Раздел этот именуется алгеброй и берет свое начало в Индии, а его арабское название ясно показывает, каким образом он попал на Запад.

Еще один факт, который, несмотря на его меньшее значение, будет уместно здесь привести, послужит лишним подтверждением всего вышесказанного: употребляемые европейцами цифры повсюду известны под именем арабских, на самом же деле они индийского происхождения, поскольку знаки нумерации, использовавшиеся арабами, были не чем иным, как буквами их алфавита.

Перейдя от наук к искусствам, заметим, что многие из идей, порожденных мусульманскими писателями и поэтами, развивались в свое время и в европейской литературе, причем иные из западных авторов не гнушались простым подражанием. Следы исламского влияния можно проследить и в архитектуре, причем особенно отчетливо они проявляются в Средние века; так стрельчатый, или готический свод, давший название целому архитектурному стилю, несомненно берет свое начало из арабской архитектуры, хотя многочисленные надуманные теории стараются всячески опровергнуть эти истины. Теории эти противоречат традиции

самих европейских строителей, утверждающей, что их знания были получены ими с Ближнего Востока.

Эти знания, носившие тайный характер, облекали их искусство символическим смыслом; они были тесно связаны с наукой чисел и неизменно возводились к тем зодчим, которые строили храм царя Соломона.

Каково бы, впрочем, ни было происхождение этих знаний, они не могли попасть в Европу иначе, чем через посредство мусульманского мира. По этому поводу уместно заметить, что члены зодческих корпораций, придерживавшихся специальных обрядов, ощущали и именовали себя «чужаками», даже находясь в своей родной стране, и это само их название сохранилось до наших дней, хотя происхождение его покрыто мраком и понятно лишь узкому кругу людей.

В этом беглом изложении следовало бы особо упомянуть еще одну область — область философии, в которой исламское влияние было в Средние века столь значительным, что ни один из ярых противников Востока не смог бы отрицать его силу. Можно со всей уверенностью сказать, что в ту пору в Европе не существовало иных путей знакомства с греческой философией: бывшие тогда в ходу латинские переводы Платона и Аристотеля делались не непосредственно с греческих оригиналов, а с арабских переводов, к которым прилагались комментарии тогдашних мусульманских философов, таких как Аверроэс, Авиценна и т. д.

Средневековая философия, известная под именем схоластики, делилась на мусульманскую, иудейскую и христианскую. Но именно мусульманская ее отрасль являлась истоком двух остальных, и в особенности иудейской, которая процветала тогда в Европе на основе арабского языка, как о том можно судить, например, по важнейшим трудам Мусы ибн-Маймуна, вдохновившим последующую иудейскую философию на целые столетия, вплоть до Спинозы, у которого еще прослеживаются некоторые идеи ибн-Маймуна.

Вряд ли необходимо продолжать перечисление подобных фактов, известных каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей философии. Предпочтительней напоследок обратить внимание на вещи совершенно иного порядка, абсолютно неизвестные современникам, особенно европейцам, тогда как с нашей точки зрения они представляют куда больший интерес, нежели все внешние познания в области науки и философии. Мы имеем в виду эзотеризм вкупе со всем, что к нему относится и из него проистекает, образуя совокупность наук, не имеющих ничего общего с теми, что известны людям современности.

В сущности, в теперешней Европе не сохранялось ничего, что могло бы напомнить об этих науках; более того. Запад и понятия не имеет об истинных знаниях, каковыми являются эзотеризм и его аналогии, тогда как в Средние века все обстояло совершенно иначе; в данной области, как и в других, исламское влияние сказывалось в ту пору самым ясным и очевидным образом. Следы этого влияния легко прослеживаются в тех многозначных произведениях, чья истинная цель не сводится к чисто литературным упражнениям.

Некоторые из европейских исследователей, занимающиеся, в частности, изучением Данте, начинают догадываться о подлинной природе его творчества, не поднимаясь, однако, до полного его осмысления. Несколько лет назад испанский ориенталист Мигель Асин Паласиос опубликовал исследование о мусульманских влияниях на творчество Данте, в котором показал, что многие из символов и выражений, использованных поэтом, уже употреблялись до него такими мусульманскими эзотеристами, как Мухиддин ибн-Араби; к сожалению, в этом исследовании не выявлена вся важность подобной символики. Недавно скончавшийся итальянский писатель Луиджи Валли, попытавшийся чуть глубже вникнуть в творчество Данте, пришел к заключению, что символическими средствами, заимствованными из персидской и арабской эзотерической поэзии, пользовался отнюдь не только этот поэт: многие из его литературных современников и соотечественников были членами тайной организации, носившей название "Fidei dAmoze", а сам он являлся одним из ее руководителей. Но когда Луиджи Валли сделал попытку прояснить смысл их "тайного языка", ему оказалось не под силу раскрыть подлинный характер этой организации, равно как и прочих объединений такого рода в Средневековой Европе. Истина заключается в том, что за этими организациями стояли, вдохновляя их, некие неизвестные лица, скрывавшиеся под различными именами, главное из которых было «братья-розенкрейцеры». Не обладая никаким писаным уставом и не составляя, в сущности, никакого сообщества, они, разумеется, не проводили и регламентированных собраний, и все, что можно о них сказать, сводится к тому, что они достигли той степени духовного совершенства, которая позволяет нам назвать их "европейскими суфиями" или, по меньшей мере, «мугасаввуфинами», обладателями высших чинов в своей иерархии. Кроме того, о «розенкрейцерах» известно, что, пользуясь в качестве прикрытия теми корпорациями зодчих, речь о которых шла выше, они занимались распространением алхимии и прочих наук, идентичных тем, которые процветали тогда в мире Ислама. Они

поистине служили связующим звеном между Востоком и Западом, поддерживая постоянный контакт с мусульманскими суфиями, — контакт, символическим напоминанием о котором служат путешествия, приписываемые легендарному основателю их братства.

Грустно сознавать, что подобные факты находятся вне поля зрения теперешней исторической науки, чьи исследования ограничиваются внешней стороной вещей, тогда как именно эти факты могли бы послужить ключом к разрешению стольких загадок, остающихся до сих пор таинственными и неразрешенными.

Рецензия на итальянское издание книги "Протоколы сионских мудрецов"

Итальянский перевод знаменитых "Протоколов сионских мудрецов", опубликованный в 1921 г. д-ром Джованни Пресиози, директором "Итальянской жизни", недавно был переиздан с предисловием Юлиуса Эволы, который попытался немного привести в порядок все нескончаемые дискуссии, порожденные и порождаемые этим «текстом», разделив при этом два различных и необязательно согласующихся между собой вопроса — относительно «подлинности» и относительно «правдивости» этой книги, и этот последний, согласно Эволе, является на самом деле наиболее важным.

Подлинность этой книги едва ли доказуема, и ее по многим причинам мы не будем здесь исследовать, в данном случае просто обратив внимание на один момент, который, по всей видимости, не брали в достаточной степени в расчет, и являющийся тем не менее наиболее решающим: то, что некая действительно серьезная и тайная организация, какой бы она ни была по своей природе, никогда не оставляет после себя письменных документов.

С другой стороны указывались «источники», из которых были взяты практически дословно многочисленные пассажи «Протоколов»: "Диалоги в Аду между Макиавелли и Монтескье" Мориса Жоли, памфлета, направленного против Наполеона III и опубликованного в Брюсселе в 1865 г. и речь, произносимая одним пражским раввином в новелле «Биаритц», опубликованной в 1868 г. немецким писателем Германом Гедше под псевдонимом "сэр Джон Ретклифф". Однако существует еще один «источник», на который, насколько нам известно, никогда прежде не указывалось: новелла под названием "Барон Иегова" Сиднея Вигно, опубликованная в 1886 г. в Париже и посвященная, что достаточно любопытно, "благороднейшему Артуру Де Гобино, автору "Эссе о неравенстве человеческих рас", вступившему в Вальгаллу 13 октября 1882 г.". Стоит указать также и на то, что согласно указанию, данному в "Воспоминаниях изгнанницы" г-жи Эрсилии Рои, опубликованных Ле Норманном Де Варан (Париж, 1886 г., стр. 308–309), Сидней Вигно являлся, как и этот последний, другом д-ра Анри Фавра, о котором мы говорили ранее; речь идет об одной странной истории, в которой также

возникает имя Жюля Фавра, который помимо всего прочего оказывается замешанным в делах такого же рода, поэтому трудно видеть в этом простое совпадение… В книге "Барон Иегова" можно прочесть (стр. 59–87) так называемую "Исповедь Ибарзабала", в которой абсолютно четко видны сходства с «Протоколами», но с важной деталью, что иудеи оказываются здесь лишь инструментом выполнения плана, который ими не был ни задуман ни понят. Заметны к тому же некоторые сходные черты во вступлении к "Жозефу Бальзамо" Александра Дюма, хотя здесь речь вообще не идет об иудеях, но о некоем вымышленном масонском собрании; добавим, что это масонское собрание не имеет никакого определенного отношения к псевдо-розенкрейцеровскому «Парламенту», описанному практически в это же время американским писателем Джорджем Липпардом в его книге "Пол Арденхайм, монах с Виссахикона", отрывок из которой воспроизводится д-ром Свинборном Клаймером в книге "Братство розенкрейцеров Америки".

Ясно, что все эти писания, в более или менее «художественной» форме в сумме черпают вдохновляющую их идею из единого «потока», независимо от того одобряют ли сами авторы эти идеи или нет, и что к тому же согласно общей тенденции таких работ или частным предубеждениям авторов, всегда источник происхождения относят к иудеям, масонам, или кому-либо еще; определенно сущностью всего этого и тем, что составляет, можно сказать, элемент «правдивости», является подтверждение того факта, что вся ориентация современного мира подчиняется определенному «плану», выработанному и внедренному некой тайной организацией; хорошо известно что мы сами думаем по этому поводу, и нам уже часто приходилось говорить о роли «контр-инициации» чтобы иметь необходимость настаивать на этом вновь.

Сказать по правде, можно и не быть «провидцем» чтобы отдавать себе отчет в таких вещах и в эпоху когда были составлены «Протоколы», возможно в 1901 г., и в эпоху, к которой восходит большая часть остальных работ, о которых мы упоминали, т. е. до середины 19-го века; тогда, несмотря на то что ошибок было меньше, было достаточно всего лишь довольно проницательного наблюдения; но теперь мы должны указать на некоторое обстоятельство, не делающее чести уму наших современников: если некто «честно» ограничивает доступ к достоверным фактам и к логическим следствиям из них, никто им не верит и не обращает на них внимания; если же напротив представляет те же вещи, как проистекающие из некой вымышленной организации, они сразу же приобретают аспект «документальности», и весь мир приходит в движение:

странное следствие предрассудков вдолбленных в наших современников широко известным "историческим методом", и которые, в свою очередь, составляют часть взглядов в отношении выполнения рассматриваемого нами "плана".

Еще мы должны указать здесь на то, что согласно «фабуле» самих «Протоколов», организация, которая изобретает и распространяет современные идеи для достижения в конце концов мирового господства отлично осознает фальшивость таких идей; ясно что на самом деле должно быть именно так и это слишком хорошо известно; но в таком случае по-видимому принятие такой лжи не может быть по сути настоящей и единственной выдвигаемой целью, и это подводит нас к рассмотрению еще одного момента, на который указывает Эвола в своем предисловии, и который был вновь рассмотрен и развит в ноябрьском номере "Итальянской жизни", в статье, подписанной «Артос» и озаглавленной "Трансформация Царства".

На самом деле, в «Протоколах» содержится не только раскрытие «тактики», направленной на разрушение традиционного мира, что составляет их наиболее негативный аспект и соответствует актуальной фазе событий; также в книге содержится идея недолговечности данной фазы и последующего установления сверхнационального «Царства» — «Regnum», идея которая может быть рассмотрена как деформация идеи "Священной Империи" и других аналогичных традиционалистских концепций, которые, насколько помнит автор статьи, были разобраны в работе "Царь Мира".

Чтобы объяснить этот факт, «Артос» обращается к изменениям, которые под воздействием настоящей «субверсии», могут произойти с некоторыми элементами, изначально традиционными по своей природе, но которые пережили в определенном отношении самих себя, когда «дух» уже покинул их; и ссылается в подтверждение этого тезиса, на то что мы недавно говорили здесь в отношении "психических останков"; с другой стороны соображения относительно последовательных фаз современного отступления и в отношении возможного учреждения, в худшем смысле этого слова, настоящей "контр-традиции", для которой «Царство» явится ее прямым выражением в социальном устройстве, могли бы, возможно, способствовать освещению этого аспекта вопроса, который, если оставить в стороне особый случай с «Протоколами», является весьма небезынтересным.

Письма Гвидо Де Джорджио

Перевод с французского Виктории Ванюшкиной

Предуведомление к публикации писем

Получатель опубликованных ниже 23 писем, Гвидо Де Джорджио, похоже, был излюбленным собеседником Рене Генона среди других его итальянских корреспондентов. Собранные здесь письма — составляющие довольно значительную часть[39] корреспонденции, адресованной Де Джорджио — являются прямым свидетельством их искренней и бескорыстной (в самом широком значении этого слова: в переписке ни разу не затрагиваются ни вопросы личных пристрастий, ни проблемы, связанные с изданием работ и т. п.) дружбы. Доказательством этого служит не только эпистолярное обращение «Милостивый сударь и любезный друг», впервые появляющееся в письме от 1 ноября 1927 г. и крайне редкое для Генона, но и многое другое.

Рене Генон поверяет де Джорджио свои личные и даже конфиденциальные[40] семейные проблемы: неоднократно приглашает Де Джорджио погостить у него (и наоборот), эта встреча действительно состоялась в конце лета 1927 г.; напоминает де Джорджио о его замысле устроится в Блуа на преподавательскую должность; беседует с ним на самые различные темы, и всегда между друзьями царят взаимопонимание и согласие (Генон даже говорит о «совпадении»…).[41]

Подтверждением дружеского характера их отношений служит и разнообразие обсуждаемых ими вопросов, что, помимо того является ярким свидетельством полного и совершенного владения различными темами. Насколько нам известно, письма Генона к другим его адресатам, по крайней мере итальянским, пусть столь же богатые ссылками и сведениями, тем не менее, всегда сосредоточены на частных темах, специфических Leitmotive.[42] С Регини Генон говорит о масонстве и инициации, а также обсуждает те издания, в которых принимал участие его собеседник; с Эволой он обсуждает vexatae quaestiones, по которым он расходится с итальянским автором и соответствующими журналами, издаваемыми последним.

Из этих троих — Регини, Эволы и де Джорджио — именно последний пользовался полным и безоговорочным доверием Генона, и именно он с большим или меньшим успехом исполнял для него роль «редактора».

Даже из этой неполной переписки видно, что их сближал особый общий интерес к исламским братствам, и особенно к тарикату (tariqa) Alaouias, ветвь которого, как нам стало известно, существовала в Париже в

1927 г. Более того: сообщая своему корреспонденту об создании нового отделения, куда открыт доступ и европейцам, Генон не скрывает своей озабоченности: «Введение западных элементов — пишет он — нередко становится причиной отклонения». Тем самым здесь подтверждается факт существования тариката Alaouite, открытого для европейцев, задолго до появления сначала швейцарского, а затем парижского ответвления. К сожалению, после приезда Де Джорджио в Блуа эта тема исчезает из переписки, так как друзья несомненно воспользовались этим случаем для обсуждения этого вопроса вживую.

Собранная здесь переписка охватывает более чем четырёхлетний период, имевший особое значение для Генона: письмо, открывающее этот сборник, естественно, далеко не первое из всех писем, написанных Геноном де Джорджио, помечено 20 ноября 1925 г. и содержит в приложении различные отзывы о книге «Человек и его становление согласно Веданте»; последнее из тех, которые нам удалось найти, датировано 10 февраля 1930 г., и Генон говорит в нём о своём отъезде в Каир «возможно на четыре-пять месяцев». Здесь следует особо подчеркнуть следующее: Генон не упускает случая обратить внимание своего итальянского друга на то, что вопрос о поездке в Египет «стоял перед ним с 1911 г.», явно намекая на своё сближение со школой акбарийя (akbariya) Алиши аль-Кабира (Elish el-Kebir), произошедшее как раз в это время.

Все 23 письма, за исключением одного, посланного из Верхней Савойи 29 сентября 1929 г., отправлены из Парижа и Блуа. С периодом ноябрь 1925 г. — февраль 1930 г. связаны наиболее драматичные личные события в жизни Генона: болезнь и смерть его жены, позднее кончина её тетки; изнуряющий и безжалостный конфликт со свояченицей; принудительная разлука с любимой племянницей, двусмысленное поведение которой раскрылось позднее; самая настоящая травля — его засыпали письмами, полными оскорблений и угроз — со стороны определённых «католических кругов», близких Маритэну (Maritain), развёрнутая, по словам самого Генона, после выхода в свет его книги «Кризис современного мира».

Генон также сообщает де Джорджио о том, над чем он работает и делится своими замыслами, их переписка охватывает множество разнообразных тем, идей и людей. Помимо Эволы и Регини, часто встречаются такие имена как Масон-Урсел (Masson-Oursel), Бако (Bacot), Меа (Mead), шейх Мустафа бен Алиуа (Moustafa ben Alioua), Матжои (Matgioi)[43] (который отсутствовал более десяти лет), Шарбоно-Ласай

(Charbonneau-Lassay) и его будущий «Бестиарий Христа», Пробст-Бирабен (Probst-Biraben) и Марке-Ривье (Marques-Riviere). Кроме этого, Генон часто упоминает «Вуаль д'Изи» (Voile d'Isis — «Покрывало Изиды»), журнал, о котором он говорит: «теперь, когда он, наконец, вышел, надо приложить усилия, чтобы сделать его действительно серьёзным изданием»; он сообщает также об основании издательского дома «Л'Анно д'Ор» (L'Anneau d'Or — «Золотое кольцо»). Сведениями о других упоминаемых здесь лицах мы не располагаем.

Редактор

Примечание. Мы воздержались от исправления тех немногих орфографических и синтаксических ошибок — допущенных несомненно по невнимательности — не желая нарушать текст поправками (sic).

Письма Гвидо Де Джорджио

Париж, 20 ноября 1925 г.
51, улица Сан. Луи-ан-Л'иль (IVe)

Милостивый сударь,

Меня уже начинало беспокоить ваше столь продолжительное молчание, затянувшееся со времени вашей последней открытки, полученной мною ещё в июле, что опасаясь, не заболели ли вы, я собирался написать вам пару строк, чтобы узнать, как обстоят ваши дела, но тут получил ваше письмо. С того времени я со дня на день откладывал свой ответ вам, так как после возвращения сюда был постоянно занят, и теперь уже сам, в свою очередь, виновен в основательной задержке. Я посылаю вам это письмо в Вераццу, где, судя по вашим словам, вы обосновались некоторое время назад.

Благодарю за любезное приглашение посетить вас, но, к сожалению, путешествия сегодня для меня составляют слишком дорогостоящее удовольствие; однако я искренне надеюсь, что наступит день, когда мы наконец встретимся лично.

Ваш отзыв о Каббале Вульо (Vulliaud) совершенно справедлив, хотя возможно излишне суров; по сути я сам написал приблизительно то же самое, но в более мягких выражениях. Я говорил об этой книге со многими из тех, кто читал её; их оценки совпадают с нашими и столь же скептичны. Мне пока не удалось прочесть новую книгу Вульо, посвящённую Песне Песней, вышедшую три-четыре месяца назад; кажется в ней меньше сомнительных и спорных моментов, чем в Каббале, но, как мне говорили многие, по-прежнему ещё достаточно.

Благодарю за присланный вами номер «Биликниса» (Bilychnis); я получил также посылку от Эволы с другими журналами, где опубликованы его статьи. Поскольку, уведомляя его о её получении, я указал ему, что у меня возникло довольно много замечаний по поводу его точки зрения, которая мне показалась излишне философской, он написал мне довольно длинное и путаное письмо, в котором он утверждает, что использует философскую форму только как простое средство выражения, не затрагивающее саму его доктрину. Я этому ничуть не верю, и продолжаю настаивать на том, что его взгляды слишком отдают философией, особенно немецкой философией. В статье, опубликованной журналом «Ультра»

(«Ultra»), в одном месте он ссылается на меня, а именно на мою книгу «Восток и Запад», и то, что он пишет, доказывает как мало он понял в ней; он даже доходит до того, что называет меня «рационалистом», что более чем смехотворно (не говоря уже о том, что дело касается книги, в которой я недвусмысленно доказываю ложность рационализма!) и ясно показывает, что он принадлежит к тем, кто не может избавиться от философских ярлыков и чувствует потребность в их применении кстати и некстати. Он сообщил мне о своем намерении написать статью о «Человеке и его становлении»; я спрашиваю себя, что из этого может получится; что ж, скоро увидим.

Дабы покончить с Эволой, должен вам сказать, что он обиделся на критические замечания, сделанные ему Регини, хотя тот выражался очень сдержанно. Он, должно быть, довольно тщеславен и не желает слышать ничего, кроме похвал; впрочем он ещё молод. Вульо не имеет такого оправдания, но почти так же обидчив; похоже, он тоже остался недоволен моей статьёй; он воображает, что лишь он один знает Каббалу и может говорить о ней. Есть основания опасаться, что Эвола скоро будет так же относится к тантризму, для занятий которым, однако, ему не хватает подготовки; он смотрит на всё через призму своей философии, что и становится причиной некоторых искажений на немецкий манер; подлинная концепция Шакти — это нечто совершенно иное, нежели «волюнтаризм».

Я рад, что вас заинтересовали статьи в «Гнозисе» («Gnose»); низкий уровень первого номера был обусловлен тем, что тогда я был лишь его номинальным главным редактором; позднее у меня даже возникли некоторые сложности, когда я решил избавиться от неудобных людей; но это слишком долгая история, чтобы пересказывать вам её во всех подробностях.

Как вам показалась новая книга, содержащая фрагменты из Зогара в переводе Жана де Поли? Я не слышал о ней.

Я недавно познакомился с Масиньоном (Massignon); он многословен и излишне аффективен, это сказывается и на его стиле. Действительно, его работы трудно читать; к тому же, хотя он несомненно кое-что понимает, ему не удалось проникнуть в суть мусульманского эзотеризма. Что до Карра де Во (Carra de Vaux), то он понимает ещё меньше, и даже с экзотерической точки зрения ему случается допускать довольно серьёзные промахи; он, прежде всего, компилятор, и основная польза от его работ состоит в том, что в них собраны учения, понемногу рассеянные повсюду.

До сих пор я пока не знаю как оценили Веданту[44] журналы; это требует времени, а кроме того, у многих сейчас отпуска. По-прежнему

никаких новостей от Масон-Урселя; не знаю, что он скажет, но буду здорово удивлён, если это будет что-то лучшее, чем то, что он говорил о моих предыдущих работах. В газетах появились кое-какие заметки; я вложил в письмо наиболее значительные из них; некоторые довольно недурно написаны. В последнее время также появилась довольно большая статья обо мне Гонзака Трука (Gonzague Truc) в «Кандиде» («Candide»); сейчас у меня только один экземпляр, но я постараюсь найти ещё один, чтобы выслать его вам.

С надеждой на ваш скорейший ответ, покорнейше заверяю вас в моём сердечном почтении.

Рене Генон

«Пари-Суар»:

«Известно, как популярно сегодня всё связанное с Азией и, в частности, как возрос интерес к великим восточным цивилизациям, до сей поры погружённых в спячку, по крайней мере, с точки зрения политики, но при этом способных дать духовную пищу миллионам людей. В небольшой, но резкой книге мсье Генона, которая появилась в прошлом году под названием «Восток и Запад», автор предлагает нам произвести переоценку ценностей, необходимую для того, чтобы наконец воздать должное Востоку. Он ратует за создание элиты, способной облегчить сближение и предотвратить возможные трения между Западом и Востоком. И никто лучше него не сумел бы дать точные указания этой элите, которые позволят ей увидеть Восток таким, как он есть, а не таким, как он представляется взгляду европейца.

Мсье Генон является не только нашим единственным метафизиком-индуистом. Его перу принадлежат также такие исследования, как «Спиритическое заблуждение» и «Теософизм», наделавшие немало шума. Он обвиняет этот низкопробный оккультизм в невообразимом невежестве в области великих традиционных учений, постыдном мошенничестве и указывает на опасность его популяризации. Продолжая ознакомление нас со священной наукой, начатое его главным трудом «Введение в изучение индуистских доктрин», мсье Генон сегодня преподносит нам сокровища Веданты.

Согласно этим текстам, понять которые способен только философ, поскольку всё в них суть символ, что сбивает с толку историка, человек устроен гораздо сложнее, чем то представляется западной психологии. Психологи говорят нам, что мы всего лишь телесные существа, способные общаться лишь с себе подобными, но это не так, мы — чудесные антенны,

способные уловить нечто большее, чем «феномены», и установить связь с высшими силами. Возможно, наиболее значимыми главами книги являются те, где автор последовательно рассматривает состояния побуждённости, сновидения и глубокого сна. Но наибольшее любопытство вызывают те, где говорится об эволюции человеческого существа после смерти.

Рене Генон — антипод Метерлинка. Несмотря на такие заглавия, как «Корональная артерия и солнечный луч» или «Божественное путешествие», нам не грозит столкнуться с разгулом воображения или недостоверными суждениями; мысль излагается строго и точно, свидетельствуя о сильном и логичного уме. Многочисленные упоминания связей с другими традициями — библейской, арабской, египетской, даосской — усиливают привлекательность этой книги, которая является знаменательной вехой в нашем познании Востока».

*

«Л'Интрансижан»:

«Сложность этой книги, которую следует читать страницу за страницей, вполне оправдывает себя.

Мсье Рене Генон с исчерпывающей ясностью излагает метафизические индуистские учения, объясняет разницу между понятиями Само и я, но его книгу никоим образом нельзя причислить к «популяризаторским». Не говоря уже о том, что эти концепции просто невозможно «популяризировать». Мсье Рене Генон довольствуется тем, что вносит уточнения, проясняет нюансы, ранее плохо доступные даже для интеллектуальной элиты, и приглашает эту элиту подняться до понимания этой доктрины в её незапятнанной чистоте.

Его книга имеет ценность учения, преподнесенного истинным знатоком; хотя, возможно, несколько излишне суховата. Но какое ослепляющее впечатление оставляет она по прочтении! Читайте Шанкарачарья (Scankaracharya) в переводе мсье Рене Генона.

Это книга, которую хочется перечитать».

*

В «Журнал де Дебат» опубликована статья Абеля Боннара; вот её

начало:

«Азии, её учениям, её искусству грозит мода. Слово «угроза» может показаться лишком сильным. Однако, это не так. Всему высокому и знатному мода способна принести немало зла; она укрывает личной то, с чего намеревается снять покров; она профанирует и даже нередко оскверняет всё благородное, и идеи, которые она из этого извлекает, столь обыденны и столь извращены, что, поистине, пожалеешь о тех временах, когда эти вещи хранились в чистоте и покое, скрытые от жадных рук публики. К сожалению, наше время, похоже, не способно создать ничего, кроме модных безделушек. Всё возбуждает волнение, но ничто не находит внутреннего отклика, сплошное любопытство при полном отсутствии внимания, алчность, наряду с расточительством, похоже, наше время обречено недооценивать всё, заслуживающее высокой оценки. Нет никакого сомнения, что влияние Азии достигло наших краёв. Но есть все основания опасаться, что это влияние останется поверхностным, и всё закончится контрабандным буддизмом и шарлатанством.

Тем более важно указать читателям книги, которые помогут составить им истинное представление о этой великой Азии. С этой точки зрения равного одобрения заслуживают две работы. Одна из них, «Человек и его становление согласно Веданте», принадлежит перу мсье Рене Генона. Всем, кто серьёзно интересуется Востоком, знакомы книги этого автора. Количество затронутых в них идей столь велико, что даже бесполезно пытаться описать их в двух словах. Скажем лишь, что одним из основных достоинств этих книг является то, что они переводят внимание читателя с избитых идей на самую суть предмета, то есть на ту общую ценность, которую представляют для человечества учения, сохранившиеся в Азии».

Окончание статьи посвящено переводу «Жизни Миларепы» Ж. Бако.

*****

В «Эр Нувель» дан очень искусно сделанный отзыв, но я решил не посылать его вам, так как он почти целиком состоит из фраз, взятых из моего предисловия.

*****

В «Фигаро» опубликованы две хроники Этьенна Фурно, где он

упоминает мои работы с симпатией, но довольно поверхностно.

*

Наконец в сентябрьском номере «Лярус Менсуель» помещена хорошая статья о «Востоке и Западе»; пусть и не сразу, но всё же постепенно дело движется…

Париж, 26 января 1925 г.
51, улица Сан. Луи-ан-Л'иль (IVe)

Милостивый сударь,

Похоже, я с каждым разом все больше запаздываю с ответами; прежде всего, позвольте мне пожелать вам крепкого здоровья, ибо, судя по вашему последнему письму, вы чувствуете себя не очень хорошо.

Я рад, что вам доставило удовольствие чтение «Миларепы»; к тому же, противное меня немало удивило бы. В той же коллекции был опубликован ещё один перевод Бако: «Три тибетских таинства»; он также хорош, но в него включены тексты скорее литературного толка, что менее интересно для нас.

Думаю, что упомянутая вами книга П. Хука (P. Huc) является переизданием его путевых заметок, написанных после путешествия по Тибету и Татарии; по сути в ней нет ничего, касающегося доктрин; там встречаются довольно любопытные описания, но это всё.

Должно быть под работой Бёме, переведенной на итальянский, имеется в виду «De signatura rerum»; мне кажется, смысл названия передан неточно. Что до книги Кампанеллы, я с ней не знаком; я читал только рецензию на неё в последнем номере «Игниса» («Ignis»). Фрагменты из Зогара, опубликованные у Ридера (Rieder), на самом деле представляют собой выжимки из перевода Жана де Поли; сам я их не видел, но говорят, что они довольно неплохо подобраны.

Что до Меа, то его книги настолько пропитаны теософизмом, что я сильно сомневаюсь, что из них можно извлечь что-либо полезное.

Кстати, по поводу теософизма, знаете ли вы, что новый Мессия (Кришнамурти) в самое ближайшее время намеревается выступить с торжественным воззванием, обставив своё выступление самым экстравагантным образом? Какое ребячество!

Вы спрашивали меня, что представляет собой журнал «Ультра»; он

квалифицирует себя как «независимое теософское» издание, это означает, что он является органом одной группы, отделившейся от «безантовского» Теософского общества (группа «Рим», 5, виа Грегориана). Вот копия заметки Эволы, появившейся в этом журнале (в статье под названием «Проблема Востока и Запада»), в которой он говорит обо мне:

«Понятно, что речь идёт о Востоке и Западе как о двух идеальных типах, которые могут совпадать в общей направленности двух культур, но расходятся в их частностях. Так, например, такие сегодняшние течения как интуиционизм, актуальный идеализм, иррационализм в целом могут быть объяснены принципом эроса. Однако прагматизм заслуживает некоторых оговорок. Кроме того, мы не можем согласится с положением, выдвинутым Р. Геноном («Восток и Запад»), согласно которому «научность» и чувственная жизнь являются взаимосвязанными элементами. Действительно, западная наука используется в практических целях. Однако не следует смешивать две разные вещи: если бы научное познание природы ограничилось бы удовлетворением простых нужд и потребностей, оно не продвинулось бы ни на шаг. Между тем, как уже указывалось, наука находит своё удовлетворение в подчинении себя первичной манифестации принципа овладения собственным Я и его утверждения — что составляет метафизическую ценность. Если же то, что стало возможным благодаря этому принципу, который сам по себе превосходит как чувственную жизнь потребностей, так и жизнь «чистой интеллектуальности», которой, как добрый рационалист, суеверно поклоняется Генон — используется элементами, чуждыми этому принципу, то это совсем другой вопрос. Но остаётся сама ценность, которая придаёт западной культуре её значение и своеобразие. Мы согласны с Геноном в том, что принцип абсолютного не имеет ничего общего с чувственным, моралистическим и отвлечённо рассудочным элементом; но, в отличие от Генона, мы утверждаем, что он равным образом не имеет ничего общего с исповедуемой им «чистой интеллектуальностью» или «метафизикой». Именно поскольку мы знаем, что она представляет собой, мы с более высокого уровня отрицаем, что эта интеллектуальность может быть противопоставлена рациональному, подобно тому, как это делал например Гегель (противопоставляя Vernuft и Verstand[45]). Таким образом, мы утверждаем, что принцип абсолютного суть потенция (шакти), и любая система, которая на метафизическом уровне ставит что-либо прежде или выше потенции, является рационалистической (в том пренебрежительном смысле, в котором использует это слово Генон) и абстрактной».[46]

Как видите, Эволе хватает самомнения; я же продолжаю настаивать на том, что он совсем не понимает, что мы имеем в виду под «интеллектуальностью», «познанием», «созерцанием» и т. п., и даже не способен отличить «инициатическую» точку зрения от «профанической». Похоже, он собирается написать отзыв на мою работу, посвященную Веданте, для журнала «Реалистический Идеализм» («L'Idealismo Realistico»); посмотрим, что из этого выйдет. Как бы то ни было, несмотря на всё, что я пытался ему втолковать, он упорно продолжает обнаруживать в Веданте «рационализм», хотя и вынужден признать, что он использует слово «рационализм» в совсем ином смысле, чем тот, который придают ему обычно.

Вы, наверное, заметили, что выпуск «Игниса» приостановлен: Регини больше не может заниматься всем почти в одиночку, точнее не может больше отдавать этому изданию всё своё время, что просто невозможно в нынешних обстоятельствах. Многие обещали ему помощь, но эти обещания так и остались словами; к сожалению, сегодня это обычное дело. Думаю, вы видели в последнем номере мою статью о Жозефе де Местре, в связи с книгами Эмиля Дерменгема (Emile Dermenghem).

Я высылаю вам номер «Кандида» со статьёй обо мне, о которой я говорил вам в прошлом письме. Помимо этого, не могу вам сообщить ничего нового; написание рецензий требует времени и, кроме того, многим, похоже, затруднительно говорить о моей последней книге. Как только появится что-нибудь заслуживающее внимания, я обязательно сообщу вам об этом.

Сказанное вами относительно концепции Дхармы в джайнизме, мне представляется очень верным, я так же, как и вы, уверен, что в этом он не имеет существенных отличий от ортодоксального учения. Однако, они довольно своеобразно толкуют понятия лока и алока; по-моему, вы совершенно правильно переводите первое как «мир форм».

Что до sphota, то это концепция, выдвинутая некоторыми грамматистами, дискуссия по поводу которой, упомянутая вами, показала её бесплодность. Вполне понятно, что подход грамматистов всегда является чисто внешним и аналитическим; он затрагивает только форму слова как набор отдельных фонетических элементов; синтетически и в самом себе слово даже не рассматривается. Именно искусственность этого подхода обусловливает введение sphota; в этом вы совершенно правы. Несомненно и то, что эта дискуссия куда более важна, чем то кажется при поверхностном взгляде; но не стоит ждать от современных филологов понимания этого; всё, затрагивающее истинную природу языка, полностью

ускользает от них.

В прошлом месяце я сделал доклад по восточной метафизике для одной исследовательской группы, образовавшейся в Сорбонне; я вышлю его вам, когда он будет напечатан. Передо мной два доклада читал Масон-Урсель; он наговорил массу совершенно неправдоподобных вещей, окарикатурив индуистские доктрины; если вас это заинтересует, могу привести несколько примеров в следующем письме.

Милостивый государь, примите мои покорнейшие заверения в сердечном почтении.

Рене Генон

Париж, 12 июня 1927 г.
51, улица Сан. Луи-ан-Л'иль (IVe)

Милостивый сударь,

Что вы должны думать о моем молчании? Я поистине смущён, что столь долгое время оставлял ваши последние письма без ответа, и тем большее раскаяние вызывает у меня мысль о том, что вы в это время были нездоровы. Очень хотелось бы надеяться, что с тех пор ваше здоровье поправилось.

По вашей просьбе я побывал в книжном магазине Боссе; там мне не смогли сказать ничего определённого относительно вашего векселя, поскольку, похоже, им было недосуг заниматься сложными поисками, чтобы убедиться в его получении; но они заверили меня, что вам не о чем беспокоиться, а если вы получите уведомление о том, что оплата не была произведена, то вам стоит обратиться с жалобой на почту; мне думается они должны подводить счета в установленные сроки.

Вышел итальянский перевод «Царя Мира»; я буквально недавно получил его. Я не знал, что вы знакомы с г-ном Хэкином; мы вспоминали вас во время нашей последней встречи. Он прислал мне также книгу Щербацкого, но пока у меня не было времени, чтобы прочесть её; об этом переводе было заявлено уже давно.

Некоторое время назад я виделся с Масон-Урселем; он сказал мне, что всё больше сближается с моей точкой зрения и начинает понимать, что востоковеды допустили немало оплошностей. После всего им написанного, я был несколько удивлён этим заявлением; я спрашиваю себя, наберётся ли он когда-нибудь мужества, чтобы повторить это публично: он поистине слишком нерешителен и слишком боится скомпрометировать себя, чтобы открыто встать на ту или иную сторону.

Получили вы, наконец, ответ от Тахар Кейреддина?

Теперь относительно вашего вопроса по поводу Авалокитешвары: это имя буквально означает «Господин (Ishwara) увиденный (lokita) внизу (ava)»; но хотя lokita является причастием прошедшего времени, его чаще переводят, как если бы оно значило «Господин, который смотрит вниз». На самом деле, эти два перевода вовсе не противоречивы и не взаимоисключающи, но прекрасно дополняют друг друга, поскольку в данном случае имеется нечто вроде обратной связи. С этой точки зрения можно говорить об устремлённости снизу вверх, провоцирующей нисхождение духовных влияний. Именно это нисхождение и выражает символизм Авалокитешвары; это можно назвать «космическим милосердием» (некоторые мусульманские школы также используют выражение, имеющее это значение), естественно, применяя слово «милосердие» вне всяких сентиментальных значений. Одним из наиболее употребительных символов, встречающихся практически повсюду, является треугольник, обращённый вершиной вниз. Нередко встречающееся уподобление Авалокитешвары женскому началу также связано с этой идеей и символизмом; в Индии, перевёрнутый или нисходящий треугольник является одним из знаков Шакти.

Упомянутый вами Немийский Царь, должно быть, является тем же персонажем, которого нередко именуют «жрецом Неми» (кажется, об этом писал Ренан). Я знаю, что есть озеро Неми, но не могу сказать точно, в каком регионе Италии оно находится. Как бы то ни было, местность, о которой идёт речь, сегодня называется Неми; но вначале это вряд ли было именем собственным, поскольку это всего-навсего латинское слово nemus, означающее «лес, роща», с особым значением «священного леса». Это слово имеет тесную родственную связь с кельтским nemeton, а также, с перевёрнутым греческим temenos, и первое, и второе означают «освящённое место»; корни этих слов, также как templum и sacratum, выражают, главным образом, идею отстранения, отделения профанического мира.

У меня пока не было случая ознакомиться с переводами Мардрю, но учитывая то, что я знаю о нём, я не очень склонен ему доверять; кроме того, я не верю в то, что Коран доступен переводу.

Эвола постоянно присылает мне свой журнал; он настаивает, чтобы я написал для него статью, но у меня почти нет времени, чтобы заниматься этим. Публикуемые им материалы довольно разнородны, но в то же время там не столь уж много «философии», как я того опасался. Вдобавок, Эвола написал мне, что он намерен отказаться от той «философской» формы,

которой он пользовался до сих пор; мне оставалось лишь благословить это его намерение; но, боюсь, что, несмотря ни на что, он ещё подвержен прежнему влиянию, хотя и оправдывает себя тем, что у него были особые причины использовать этот язык и этот способ изложения.

Всё, что вы говорили мне по поводу магии, совершенно верно; похоже, Эвола использует это слово в несколько отличном от общепринятого значении, что приводит к недоразумениям. В собственном смысле этого слова, оно, в конце концов, означает лишь науку экспериментального типа; её действительно можно использовать в качестве исходной точки для других занятий, но это верно по отношению ко всем традиционным наукам, и я бы даже охотно сказал, что именно это и является их основным предназначением. Лишь наука в современном западном понимании не открывает новых горизонтов, поскольку самое её строение закрывает всякий доступ к знанию высшего порядка.

Относительно того, что писал вам Эвола, я согласен с ним в том, что существовала западная инициатическая традиция; но, к сожалению, я сильно сомневаюсь в том, что можно говорить о ней как об актуально существующей. Мне периодически попадаются утверждения о наличии духовных центров в том или ином регионе Европы, но по сей день я не получил никаких свидетельств, подтверждающих обоснованность этих заявлений.

Милостивый государь, примите мои покорнейшие заверения в сердечном почтении.

Рене Генон

Блуа, 3 августа 1927 г.
74, улица дю Фуа

Милостивый сударь,

Вас наверное удивляет столь долгое отсутствие моего ответа на ваше прошлое письмо; но в Блуа мы оказались лишь несколько дней тому назад. Нам пришлось отложить наш отъезд из Парижа, поскольку мне не удалось вовремя завершить подготовку моей небольшой работы, посвящённой теме «кризиса современного мира» (написанной приблизительно в том же роде, что и «Восток и Запад»), которая должна выйти в издательстве Боссара (Bossard) к концу этого года. Сейчас меня подгоняет необходимость завершить чистовой вариант этой работы, поскольку я должен отослать свою рукопись не позднее 15 августа.

Относительно вашего вопроса, наши друзья заверили меня, что вам с

лёгкостью удастся снять здесь тихое жилище, где вас никто не побеспокоит. Особой жары в этом году, по-видимому, также можно не опасаться; по крайней мере, по сей день, солнечные дни здесь довольно редки.

Мне не довелось узнать у г-на Хэкина, получил ли он ваше письмо; как-то я был на собрании в музее Гюиме (Guimet), где рассчитывал увидеть и его, но его там не было. Впрочем, учитывая то, что вы мне писали, нет ничего удивительного в том, что он не получил этого письма. Уже долгое время я не получал новостей непосредственно от Регини; что до Эволы, он регулярно высылает мне свой журнал. Один из друзей Регини, прибывший в Париж некоторое время назад, говорил мне, что его подход к католичеству значительно изменился за последнее время.

Озеро Неми действительно находится недалеко от Рима; возможно, вы, как и я, слышали о том, что там намереваются произвести исследования с целью отыскания трирем Калигулы. Это озеро называли «Speculum Dianae» (лат. Зеркало Дианы — В. В.); и именно там находился храм Дианы, жрецом которого как раз и был «rex Nemorensis» (лат. Немийский царь — В. В.), к которому и относится процитированная вами фраза.

Относительно Авалокитешвары, совершенно верно, что два перевода дополняют друг друга, как и то, что тот же символизм отражён в латинском слове «charitas» (так же как и в схожем с ним греческом charis).

Приношу свои извинения, что на этом вынужден завершить мое послание; я тороплюсь закончить свою работу, но, несмотря на это, мне хотелось написать вам эти несколько строк, дабы избежать слишком долгого перерыва в нашей переписке. Пожалуйста, известите меня, если вы решитесь приехать в Блуа.

Надеюсь, до скорого, и, как всегда, милостивый государь, примите мои покорнейшие заверения в сердечном почтении.

Рене Генон

Блуа, 15 августа 1927 г.
74, улица дю Фуа

Милостивый сударь,

Я был глубоко огорчён, узнав из вашего последнего письма, что ваше здоровье по-прежнему далеко от хорошего; надеюсь, в ближайшем времени оно улучшится. К сожалению, погода значительно ухудшилась с того времени, как мы обосновались здесь: грозы, бури, почти

нескончаемые дожди; это совсем не похоже на лето. Обычно, здесь стоит куда более приятная погода, и небо совсем не то, что в Париже; но в этом году солнца почти нет. Здесь нет ни гор, ни холмов, самое большее — пригорки; но совсем рядом с Блуа есть лес, так что можно подолгу гулять в окрестностях. Вот, пожалуй, и всё описание, которое я могу привести в ответ на вашу просьбу; в любом случае, если вы решитесь приехать, лучше сделать это после первых чисел сентября, так как до этого времени нас здесь не будет. Я буду очень рад наконец познакомиться с вами лично, если, конечно, состояние вашего здоровья не сделает эту поездку излишне для вас обременительной.

Ваджра — это молния, но, должен все предупредить, что на данный момент и я сам затрудняюсь ответить в чем состоит истинный смысл Ваджраяны; я займусь этим исследованием по своему возвращения в Париж, поскольку здесь у меня нет для этого необходимых сведений.

Я полностью согласен с вашим мнением относительно нынешнего состояния человечества в связи с Кали-Югой; собственно, о том же я пишу и в своей последней работе. С другой стороны, совершенно очевидно, что «инициация» доступна пониманию лишь в особых условиях Кали-Юги, вне которых она не обоснована. Столь же верно и то, что эти условия необходимо принять во внимание; поэтому, полностью соглашаясь с вами в принципе, я вынужден ещё раз подчеркнуть то, что было мною сказано относительно роли элиты. Впрочем, эта роль не обязательно должна быть связана с традициями религиозного рода; исчерпывающим доказательством чего служит даосизм; то же самое мы встречаем повсюду, пусть даже менее ярко выраженным образом (например, в Индии.) Со времен наступления Кали-Юги «инициация» существует на Востоке, так же как и на Западе; там она есть фактическая необходимость. То же относится и к символизму: использование символов, сравнимых с герметическими символами, также является общепринятым местом; и эти символы ничуть не противоречат символам природным, но напротив, вполне соотносятся с ними. Кроме того, символический характер любой манифестации позволяет придать и тем же историческим фактам, как и всему прочему, совершенно иное значение, нежели то, которым они обладают сами по себе; это к тому, что вы говорили о Данте; если угодно, его символизм является западным символизмом по своей внешней форме, но он столь же равнозначен восточным символам. Наконец, реальное противостояние между Востоком и Западом, возникает лишь тогда, когда последний утрачивает свою традицию, включая сюда понимание символизма: герметизм куда ближе к восточному духу, чем к

современному западному. Возможно вскоре мы сможем поговорить об этом более продолжительно.

С вашим мнением о Хэкине я полностью согласен: он очень любезен, но я не уверен, насколько он способен понять, о чём идёт речь. Что он не выслал вам книгу Щербацкого, это несомненно его забывчивость; он довольно рассеян.

Вчера я получил письмо от Эволы, который по прежнему настаивает, чтобы я выслал ему несколько своих вещей для «Ur»; похоже, в конце концов, я решусь удовлетворить его просьбу. Он сообщил мне, что вышел первый том его «Теории абсолютного Индивида», но он не стал высылать его мне в связи с чересчур философическим характером этой книги, но, возможно, «Языческий Империализм», который должен появиться осенью, окажется более приемлемым, чтобы заинтересовать меня. Он знает о той книге, которую я пишу сейчас; предполагаю, что узнал о ней от вас, поскольку о её подготовке я не сообщал ни одному из своих корреспондентов в Италии, помимо вас; впрочем, это не имеет никакого значения, ибо я говорил о ней уже со множеством лиц. Неделю назад я отослал рукопись издателю; но, поскольку пока не получил от него никакого ответа, думаю, к своей досаде, что на этом дело еще не закончилось.

Не сам Эвола, а Регини, говорил о том, что отношение последнего к католичеству изменилось за последнее время; похоже, я неверно выразил свою мысль в последнем письме или по рассеянности поставил одно имя вместо другого. В то же время, судя по вашим словам, возможно, это верно относительно их обоих; в любом случае, если вы сможете как-то повлиять на Эволу в этом отношении, это было бы хорошо; я думаю, он умён, но полон предрассудков всяческого рода; помимо того, мне думается, он желает достичь определённого положения в университетской среде, и это основательно осложняет его позицию.

Примите мои покорнейшие заверения в сердечном почтении.

Рене Генон

Париж, 1 ноября 1927 г.
51, улица Сан. Луи-ан-Л'иль (IVe)

Милостивый сударь и любезный друг,

Из открытки, посланной вами по приезду в Вараццу, мы с удовольствием узнали, что ваше путешествие завершилось благополучно; но следующее ваше письмо, пришедшее ещё до нашего возвращения из

Блуа, к нашему огорчению, принесло нам куда менее благоприятные известия. Однако, поскольку в самом последнем вашем послании вы уже не возвращались к этому вопросу, нам хотелось бы надеяться, что ваше здоровье восстановилось.

Несмотря на всё то, что мне было известно об Эволе, и, прежде всего, с ваших слов, я был немало удивлён его отказом поместить вашу статью; в таком случае, спрашивается, зачем он настаивает на том, чтобы я прислал ему свои работы, ведь он должен понимать, что всё, что я сделаю, будет столь же традиционно, а следовательно, вряд ли удовлетворит его. Я решительно не понимаю, как это может соотноситься с его взглядами; учитывая же то, что я охотно следуя вашей просьбе, собираюсь написать ему тексты совершенно особого рода, это, скорее всего (по крайней мере, мне так думается), положит конец его дальнейшим настояниям и даст мне причины, дабы отказаться от сотрудничества с его журналом. Впрочем, мне надо ещё ответить ему на его предыдущее письмо, присланное месяц назад, в котором он задаёт мне вопрос по теме, которую, сколько мне помнится, он уже обсуждал с вами. Я прикладываю это письмо, с просьбой к вам ознакомиться с ним и переслать его Эволе; извините, что я не наклеил на него марки, так как сейчас у меня под рукой нет почтовых итальянских марок.

Я был бы очень рад прочесть вашу статью, если Эвола уже вернул её вам, и вы будете столь любезны, чтобы выслать её мне; но, даже не читая её, могу сказать заранее, что я уверен, что во всём соглашусь с вами.

О каком латинском тексте вы говорили, упомянув, что перевод Регини вам показался сомнительным?

Мне будет очень любопытно узнать, что скажет Эвола по поводу Миларепы; он, несомненно, будет задет тем, сколь низкое место там отводится магии, что, кроме всего прочего, вполне соответствует действительности.

Я ничего не знаю об упомянутой вами поэме Аштхавакры (Ashthavakra); если вам не сложно, пришлите мне, пожалуйста, имеющийся у вас текст (путь даже это адаптированный перевод), тогда я, по крайней мере, сумею составить представление о чём идёт речь.

Вот адрес, который вы у меня просили:

M. Taillard, interprete judiciaire,
5, rue Al-Djezirah,
Tunis

В брошюре, присланной мне Жоссо (Jossot) нет ничего интересного, за исключением нескольких бесед с Кейреддином (которого он обозначает только инициалом), и обзора, уже знакомого мне, по учению Alaouias, к которым, как я уже говорил, сейчас принадлежит последний. Похоже, это братство пользуется всё большей популярностью; как мне стало известно, существует даже zaouia в Париже на бульваре Сен-Жермен, в двух шагах от меня; это, в частности, заставляет опасаться, как бы оно не стало слишком открытым и не сбилось бы с пути, подобно многим другим. По всей видимости, она работает также и в Алжире, и занята проблемой сближения христиан и мусульман, что, несомненно, крайне похвально; но приведут ли эти усилия к достойному результату?

Журнал, на который ссылался Париз (Parise), это «Регнабит» («Regnabit»), его адрес следующий: 30, rue Demours, Paris (XVIIIe); я сотрудничал с ним регулярно с августа 1925 по май 1927, постоянно забываю об этом вам упомянуть. Но обратите внимание, как излагается история: этот журнал столь мало зависел от иезуитов, что последние сделали всё возможное, дабы воспрепятствовать его изданию. С другой стороны, я был вынужден прервать наше сотрудничество вследствие происков, которые затеяли круги, близкие Мартиену (Maritain); это слишком долгая история, чтобы излагать вам её во всех подробностях, да к тому же и малоинтересная по сути. Я намереваюсь когда-нибудь вернуться к вопросам символизма, которые я начал затрагивать в этом журнале, но на этот раз в виде полноценной книги; но когда я найду для этого время?

Мои дамы посылают вам свои наилучшие пожелания, а я уверяю вас в своём неизменном сердечном почтении.

Рене Генон

Париж, 31 декабря 1927 г.
51, улица Сан. Луи-ан-Л'иль (IVe)

Милостивый сударь и любезный друг,

Я получил два ваших письма и хотел тотчас же ответить, но в последнее время мне решительно не хватает свободного времени, поэтому я столь долго тянул с ответом, тем более, что мне хотелось написать вам как можно более подробно; но даже и сегодня я сумею вам ответить лишь на часть ваших вопросов, остальное же придётся отложить до следующего раза.

Прежде всего скажу, что за последнее время Эвола писал мне дважды, и учитывая то, что вы мне сообщили в прошлый раз, я вижу, что он

повторяет почти то же самое, что писал и вам. Не очень понятно, что он имеет в виду под «делом», которое он намеревается предпринять со своим журналом и книгой, причём речь идет не только об Италии, но и о соседних странах; ну что ж, это мы вскоре увидим… Он прислал мне также статью под названием «Антифилософский фашизм и средиземноморская традиция», которая была опубликована в «Фашистской Критике»; возможно вы её видели; в ней встречаются довольно верные вещи, особенно в первой части, но затем снова вылезает его «антихристианство», так что редакции журнала пришлось даже сделать примечание с оговорками относительно этого пункта. С другой стороны, я не могу толком понять, что он подразумевает под «средиземноморской традицией», и боюсь, что его представление об этом предмете несколько фантастично. Я до сих пор не смог найти времени, чтобы ему ответить; но я обязательно это сделаю в самое ближайшее время. Относительно сотрудничества с «Уром» я полностью согласен с вашей точкой зрения и, как и вы, не намерен соглашаться с теми ограничениями, которые он хотел бы нам навязать; к тому же, поскольку он умудряется увидеть повод для «полемики» там, где я менее всего настроен «полемизировать», я не очень понимаю, как бы мне удалось не выйти за установленные им рамки, которые по сути представляют собой ни что иное как крайне спорное суждение.

В последнем номере «Покрывала Изиды» появилась маленькая заметка об «Уре», в которой говорится, что это издание посвящено исследованию психологии! Я не знаю, кто это написал, но он явно прочёл не больше одной статьи «Ура»; возможно, это недоразумение порождено выражением «наука о Я»; если бы Эвола увидел эту заметку, он вряд ли бы остался ей доволен.

Два-три дня тому назад я получил открытку от Регини, который не давал о себе знать почти целый год; он сообщает, что собирается написать мне более подробно и объяснить причину своего затянувшегося молчания.

Мою книгу напечатали только пару недель тому назад, хотя она должна была выйти ещё в ноябре; впрочем, было бы удивительно, если бы она появилась вовремя, ведь печатники имеют привычку всегда опаздывать; кроме того, решено пустить её в продажу лишь после январских праздников, поскольку новогодние праздники не самое благоприятное время для этого.

Недавно я виделся с Хэкином и сказал ему, что вы были в Блуа на вакациях; он был расстроен тем, что вы не смогли заехать в Париж, так как ему очень хотелось бы снова повидаться с вами.

Масон-Урсель написал для «Ревю Критик» (я не очень знаком с этим изданием, так как у меня есть только вырезка из него) небольшую рецензию на «Царя мира», которую мне хотелось бы привести вам дословно, ибо она заслуживает того:

«Лейбниц любил говорить, что в схоластическом навозе можно отыскать золото; возможно его можно найти — даже у алхимиков — в той универсальной символике, которую проповедовали гностики, индусы, китайцы, каббалисты. К сожалению, Р. Генон не сумел извлечь этого золота, поскольку лишь критик может притязать на это. Он принимает за чистую монету всё традиционное, ничуть не сомневаясь в том, что всё соответствует всему; в этом он следует символистам. Он владеет информацией, но пользуется ею без разбора. По его мнению, критика есть вещь достойная презрения, дискредитирующая исследователя и совершенно излишняя для автора, отстаивающего метафизическую истину! Мы уже знаем об этом из других работ мсье Генона. То, что он принимает за силу и ясность, на наш взгляд, компрометирует ценность крайне обширных или, лучше сказать, курьёзных познаний этого востоковеда. Нас же пугает то, что в книге, не превышающей своим объёмом сотни страниц, автор притязает на раскрытие конечного смысла свастики, Аума и Ману, luz и Shekinah, Грааля, Магов и Старца Горы, всех бесчисленных загадок. Даже если кое-где его догадки верны, чего стоит результат без доказательства? и лишь чисто символическое свидетельство среди многообразия религий, философий?».

Ну, что вы об этом скажете? Самое удивительное, что всего лишь несколько месяцев тому назад он убеждал меня, что всё более склоняется к тому, чтобы принять мою точку зрения! Похоже, что дело обстоит прямо противоположным образом: он всё дальше удаляется от неё, и, очевидно, не способен её понять. Для него нет ничего важнее «критики» и анализа, то есть того, что я считаю как раз несущественным; подобно своим коллегам он воображает, что всякая мелочь заслуживает многотомных рассуждений, переполненных всяческими сведениями. Если бы я считал необходимым ему ответить, то указал бы ему на то, что я крайне далёк от того, чтобы принимать «любую информацию без разбора», как он считает, и, более того, решительно отказываюсь принимать во внимание то, что исходит от официальных востоковедов; но это будет совершенно бесполезно; невозможно изменить ментальность этих людей, поэтому лучше продолжать идти своим путём, не заботясь о том, что они могут сказать или подумать.

Мне никак не удаётся как следует заняться Вергилием; безусловно,

там много мест довольно сложных для понимания, и я убежден, что, если будет время, стоит заняться исследованием его текстов с интересующей нас точки зрения; в любом случае, кое-какие из тех интерпретаций, которые вы мне указали, мне представляются вполне оправданными.

Я не смог просмотреть те отрывки в книге П. Уоллеса, о которых вы упоминали, так как я одолжил эту книгу одному моему знакомому, который мне её пока не вернул; я вернусь к этому позднее, и тогда мы с вами продолжим этот разговор. Что до тех размышлений, которые я ранее высказывал по этому поводу, и ваших замечаний в связи с этим, то они точно соответствуют тому, что я имел в виду.

Я говорил с Бако по поводу немецкого перевода стихов Миларепы; он знаком с ним, но поскольку не очень хорошо владеет немецким, то не может оценить его точность; впрочем, ему показалось, что он не полон. Процитированные вами отрывки действительно не отличаются особой ясностью, их не мешало бы снабдить комментариями, но мог ли это сделать переводчик? Вы несомненно правы относительно серединной артерии, она не может быть ни чем иным как sushumna, «ветер» же, вероятнее всего, соответствует пране; я даже спрашиваю себя, не имеет ли смысла соотнести то место, где говорится о «пяти ветрах», с пятью вайя (vayus), которые являются модальностями праны. Смысл мудры именно тот, на который вы указали; что до Дхармадхату, буквально «семя Закона», то, насколько мне известно, это одно из обозначений Будды, но это не очень проясняет смысла той фразы, в которой встречается это слово. Ваджра же, как вам известно, означает одновременно «молнию» и «алмаз»; впрочем, этот вопрос требует дальнейших изысканий.

У меня пока не было времени, чтобы проверить текст Бхагавадгиты; я отметил тот отрывок, о котором вы говорили; обещаю заняться им в ближайшее же время.

Заранее благодарю вас за ту ведийскую поэму, которую вы обещали мне прислать; надеюсь, вы не будете торопить меня с её возвращением, поскольку сейчас у меня совершенно нет времени для чтения. Благодарю вас также за сделанные вами замечания по поводу текста и его перевода в прозе; но мне будет трудно найти его, так как я никогда не посещаю библиотек.

Sakshi означает «свидетель» или «наблюдатель»; думаю, что sakshipurusha следует понимать как эквивалент «двух птиц на древе», которые «смотря, не едя», что соответствует личности, тогда как то, что ест (то есть вовлечено в действие со всеми вытекающими отсюда следствиями) — это jivatma или индивидуальность. Перевод данной шлоки

на первый взгляд мне показался точным; когда у меня будет время, я проверю это более тщательно.

Буква Kha скорее символизирует атмосферу, а также небо, нежели воздух как элемент. Обозначение Агни «трёхформный» может иметь много значений; возможно, что в данном случае оно относится к небесному огню, земному огню и жизненному огню. Те три цвета, о которых вы говорили, обычно чаще соотносят с гунами, чем с элементами: саттва, белый; раджас, красный (этот же смысл присущ корню rauj), тамас, чёрный (точность). Ваше мнение относительно 0 между 3 и 2 (вместо единицы) мне представляется совершенно верным или, по меньшей мере, вполне удовлетворительным как толкование. Что до отрывков из комментария, указывающих на определение мукти в зависимости от разных школ, то к этому я также предпочел бы вернуться в ближайшем письме, так как, боюсь, что сейчас я мог бы дать вам неверное толкование.

Я доволен, что Тейяр ответил вам и прислал снимок Кейреддина; если вы, как и собирались, сделаете его копию, я был бы очень рад также получить её. Забавно отметить, что в тот же день, когда я получил ваше письмо, пришло и письмо от Жоссо, где он также упоминает Кейреддина; он говорит, что тот умер как раз перед тем, как согласился дать ему наставление; но я не знаю, смог бы Жоссо на деле воспользоваться его учением. Я буду очень вам благодарен, если вы сообщите мне о следующем ответе от Тейяра; упоминаемый им Шейх — это, несомненно, Шейх ben Alioua, глава Alaouias. У меня есть краткое изложение учений этой школы, составленное секретарем Шейха Si Mohammed El Aid, с французским переводом, выполненным Тейяром; если вам интересно, могу выслать копию. Кажется, я уже говорил вам, что сегодня в Париже существует их центр, однако доступ в него открыт только арабам и кабилам; я намеревался установить с ними связь, но пока не было случая, хотя он находится совсем рядом со мной; я обязательно загляну туда, так как он может оказаться интересней, чем то отделение, которое сейчас образуется для европейцев, о чём, кажется, я тоже уже упоминал; доступ для европейцев нередко становится причиной искажения учения.

Простите, что не смог ответить на все ваши вопросы; постараюсь больше не задерживаться так надолго с ответом.

Надеюсь, что вы покинули горы прежде, чем начались холода, которые могли бы повредить вам.

Мои наилучшие пожелания в наступающем году; дамы также желают вам всего наилучшего, я же сердечно пожимаю вашу руку.

Рене Генон

Чуть не забыл поблагодарить вас за любезно присланные марки.

---

notes

Примечания

1

1. Мы не могли не удивиться, узнав, что кое-кто посчитал, будто наша книга "Замечания об инициации" затрагивает вопрос христианской традиции более, нежели другие наши работы. Мы спешим уверить читателей, что и в этой книге, как и во всех других, мы затрагивали эту тему ровно в той степени, в какой это было необходимо для ясного изложения основного предмета, взависимости от того, какой вопрос конкретно мы рассматривали. Еще более удивительно, что некоторые наши внимательные читатели, которые по их словам, пристально следили за нашим творчеством, сообщили нам, что нашли какие-то новые аспекты в освещении христианства, но все, приводимые ими в качестве примера пассажи, были, на самом деле, взяты из наших ранних статей, опубликованных в "Покрывале Изиды" и "Etudes Traditionnelles".

2

2. Интересно заметить в этом отношении, что в арабском языке слово «канун», заивстованное из греческого, обозначает всякий закон, принятый на основании случайных и преходящих обстоятельств и не являющийся, соответственно, необходимым элементом шариата, традиционного законоуложения.

3

3. Мы не раз сталкивались с весьма тенденциозной интерпретациий отцов церкви и в особенности греческих отцов, заключающейся в желании любой ценой доказать, что у них отсутствуют какие бы то ни было намеки на эзотерическую сферу, а когда отрицать это не возможно, им это ставтя еще и в вину, утверждая6 что это была досадная оплошность с их стороны!

4

4. Смотри А.К. Кумарасвами "Является ли инициацией вступление в буддистский монастырь?" июльский номер 1939 года "Etudes Traditionnelles".

5

5. Таково рода неправомочное перенесения эзотерических норм на все общество приводить к однозначно отрицательным результатам, как это имело место в индусском буддизме, где это привело к отрицанию кастовой системы. Сам Будда мог вполне не считаться с кастовой системой в рамках закрытой организации, члены которой, во всяком случае в теории, должны буть по ту сторону кастовых различий. Но стремление к уничтожению все кастовой системы как таковой во свей социальной среде с точки зрения ортодоксального индуизма было ни чем иным, как чистой ересью.

6

6. Именно о такой утрате и о таком превращении говорил Генон в предыдущих статьях, утверждая, что ныне Христианство является чисто экзотерической традицией, забывшей и даже часто отрицающей свою эзотерическую и инициатическую сторону. — прим. "Милого Ангела".

7

7. В своих работах "Замечания об инициации" и "Инициация и духовная реализация" Генон подробно и детально развивает вопрос о различии эффективной инициации и инициации виртуальной. В самых общих чертах можно сказать, что эффективная инициация — это инициация данная квалифицированным и специально подготовленным людям, соответствующим, кроме того, особым врожденным — кастовым и интеллектуальным — требованиям, и доведенная до полной (или частичной реализации, т. е. до превращения путем личных усилий инициатическую возможность духовного развития в инициатический факт. Основываясь на исламском эзотеризме можно сказать, что эффективная инициация соответствует перехода «халь» (духовного уровня, являющегося преходящим, т. е. такого который может быть и утрачен) в «макам» ("стоянку", являющуюся непреходящей и фиксированной, т. е. такую, которую утрать более невозможно). Виртуальная инициация, напротив, может быть передана неквалифицированным личностям, хотя и при исполненнии определенных условий, делающих эту инициацию подлинной и реальной (в отличии от псевдо-инициации или чисто экзотерического ритуала), а кроме того, если она остается только виртуальной, это означает, что она продолжает существовать как чистая и нереализованная возможность. Виртуальная инициация — это такая инициация, которая не является реализованной, либо в данный момент, либо вообще никогда. — прим. "Милого Ангела".

8

8. Подобное утверждение было равнозначно отказу признавать возможность духовных влияний производить определенные эффекты даже на телесном уровне, как это вне сомнений имеет место в чудесных исцелениях.

9

9. Если действия Святого Духа относилось бы только к эзотерическому уровню, который, едиснвтенно, и является трансцендентным, то мы хотели бы спросить наших оппонентов из католического лагеря — как они объяснят в таком случае то каноническое утверждение, что Святой Дух вдохновлял процесс формулировки однозначно экзотерических догматов?

10

10. Это безапелляционное утверждение Генона подвергалось неоднократным опровержениям не толкьо со стороны его противников (что неудивительно), но и со стороны его самых верных последователей и учеников. В книге А. Дугина "Мистерии Евразии" в главе "Православие и инициация" дается версия относительно необходимости различать в этом вопросе Восточную и Западную Церкви, так как по мнению автора Православие сохранило свою инициатическую природу вплоть до сегодняшнего дня, тогда как Католичество, действительно, его давно утратило. В подтверждение своей теории автор приводит много традиционалистских аргументов, ни один из которых, однако, не ставит под сомнение кристальную истинность утверждений самого Генона. Многие европейские генонисты-христиане — в частности, Фритьоф Шуон, аббат Стефан, Бертран Мишель, Гастон Жоржель и т. д. — оспаривают этот тезис Генона и применительно к самому Католицизму. Быть может это самое спорное (или наиболее уязвимое) утверждение Генона, сопоставимое разве что с его ранней неприязнью к буддизму, в которой его сумел разубедить только авторитет Ананды Кумарасвами и настойчивые возражения его ученика Марко Палиса. — прим. "Милого Ангела".

11

11. Надо подчеркнуть, что говоряьо западном мире в целом, мы выносим за скобки элиту, которая не только способна понимать свою собственную традицию, но и продолжает получаит аутентичную инициацию в мистерии. Традиция продолжала существоватьв во все более и более замкнутых группах довольно долго, но это не меняет сути сказанного нами, так как не затрагивает подавляющее большинство жителей Запада, и именно ради этого большинство Христианство было вынуждено принять «экзотерическую» форму, чтобюы заменить собой предшествующие традиционные формы в тот момент, когда они выродились до уровня «предрассудков» в самом прямом смысле этого слова.

12

12. В этом отношении можно сказать, что переход от эзотеризма к экзотеризму являлся настоящим «самопожетрвоаванием», как впрочем таковым является и всяколе нисхождение духа.

13

14. Одновременно с этим, «обращение» Константина означало признание (посредством официального акта высшей императорской власти) того факт, что герко-рмиская традицию с этого времени следует считать угасшей, хотя, естественно, остатки ее еще долго продолжали существовать, вырождаясь все больше и больше, пока не исчезли окончательно, и именно эти выродившиеся остатки были названы позднее уничижительным термином «язычество».

14

15. Мы замечали в другом месте, что смешение этих двух сфер является часто причиной возникновения гетеродоксальных сект, и в истории христианства большинство сект имело именно такое происхождение. Именно для того, чтобы избежать подобного смешения Церковью было предпринято столько предосторожностей, которые в целом были совершенно оправданы, хотя, с иной точки зрения, они, вместе с тем, они в качестве вторичного эффекта создали непреодолимые трудности для глубокого и полноценного исследования Христианства.

15

16. Даже если допустить (хотя мы и не согласны с этим), что выводы современных историков, руководствующихся, впрочем, откровенно антитрадиционными побуждениями, относительно «позднейшей», в сравнении с христианской хронологией, даты написания Евангелий, эта дата все равно будет относиться к периоду, предшествующему трансформации, о которой здесь идет речь.

16

17. Мы не хотим затрагивать здесь возможных злоупотреблений, к которым могла привести такая «минимализация» традиции, но она, тем ен менее, остается необходимой в принципе, когда происходит ее адаптация к социальной среде, составленной из саамых разнообразных и духовно разнородных индивидуумов, к каждому из которых, однако, экзотеризм должен апеллировать по определению.

17

18. Эта экзотерическая практика может быть определан как необьходимый и достаточный минимум для обеспечения "спасения души", поскольку это и является ее непосредственной целью.

18

19. Говоря здесь о ритуалах инициации, мы имеем в виду те, целью которых является передача инициатического влияния. Само собой разумеется, что сущестуют и иные инициатические ритуалы, предназначенные для тех, кто уже получил инициацию. Так Евхаристия инзначально была, безусловно, инициатическим ритуалом, но не ритуалом самой инициации.

19

20. Тема «малых» и "великих мистерий" является центральной для понимания инициации как таковой, и следовательно для адекватного уяснения мысли Генона. Традиционная картина мира делит бытие на три уровня — физический (материальный, плотный, грубый), субтильный (психический, душевный, тонкий) и духовный (небесный, ангелический). Обычные люди живут в основном интерсами первого мира. Если они участвуют в сакральной цивилизации, то им соответствует сфера экзотерической традиции; если они, по тем или иным причинам, выходят за рамки сакральной цивилизации они становятся «профанами» в полном смысле этого уничижительного термина, чем бы они ни занимались — матреиальной деятельностью или гуманитарными вопросами — во всех случаях не только духовный, но и душевный статус таких людей с традиционной точки зрения строго равен равен нулю. Для того, чтобы полноценно и сознательно реализовать потенции второго уровня, субтильного мира (мира души), простому участнику сакрального экзотерического общества (но не профанического!) необходимо пройти первую инициацию — "малые мистерии". В процессе такой инициации человек подвергается особому преображению и сознание его фикисруется на субтильном уровне. Процесс посвящения является мгновенным, но процесс полной реализации этого посвящение может быть крайне долгим и вообще не увенчаться успехом. Иными словами, инициация может остаться только виртцуальной, т. е. не реализхованной, а может стать эффективной. Это зависит уже от личных усилий и воли человека, который, тем не менее, сохранит виртуальную инициацию даже если ни сделает ничего для ее реализации. Пределом реализации инициации в "малые мистерии" является реставрация «райского» адамического состояния, что предполагает полную реализацию архетипа человеческой души, постановку «Я» в центр субтильного, тонкого мира. Далее следуют (а точнее, могут последовать, а могут и не последовать) "великие мистерии", инициация в которые переводит существо (которое после реализации "малых мистерий" уже нельзя, строго говоря, назвать человеком) на третий, духовный план, где ему предстоит также реализовать полученную в инициации возможность. пределом реализации "великих мистерий" является полное обожение, слияние с Полюсом Неба, со Словом, стоящим в центре высшего духовного мира. Переход от "малых

мистерий" к «великим» описывается в традиции как переход от "земного рая" к "раю небесному". Все эти соображения следует иметь в виду, чтобы адекватно понять смысл данной статьи Генона. — прим. "Милого Ангела".

20

21. На самом деле, это утверждение не так очевидно, как это может показаться, поскольку таких традиционных цивилизациях, как исламская или индуистская есть немало случаев, когда к определенным инициатическим организациям принадлежит поголовно все население какого-то региона или какой-то области. В Индии в пример можно привести сиккхов, а в исламе некоторые северо-африканские регионы, где все жители с рождения принадлежат к той или иной суфийской тарике. Аналогичную картину можно наблюдать и в Чечене, причем вплоть до настоящего времени, где практически все население республики состоит в одной из некскольких самых распространенных суфийских орденов, которые, впрочем, конкурируют между собой. Безусловно, такие случаи можно рассматривать как аномалию, но тем не менее вряд ли можно утверждать, что виртуальная инициация в них отсутствует. Подробнее см. А. Дугин "Православие и инициация" — прим. "Милого Ангела".

21

22. После публикации статьи Кумарасвами, о которой мы упоминали в одной из предшествующих сносок, мы задали А.К.Кумарасвами вопрос по этому поваоду. Он подтвердил нам, что посвящение в буддистские монахи проходит только в присутствии членов Сангхи, которая состоит исключительно из тех, кто уже прошел посвящение. Присутсвовать при этом ритуале не могут не только небуддисты, но и те, кто исповедуют буддизм, оставаясь при этом «мирянами». (Это правило до сих пор почти всегда соблюдается в Восточных церквях, и в первую очередь в Православии, где некрещенные не могут присутствовать при крещении, а нерукоположенные в сан — при рукоположении. — прим. "Милого Ангела".)

22

23. Честно говоря, нам кажется, что основным мотивом тех, кто стремятся любой ценой доказать, что христианские ритуалы сохранили свою инициатическую природу, является именно нежелание предпринимать усилий по поиску регулярной инициации. Видимо, они не хотят утруждать себя поиском атуентичной инициатической организации и одновремнно с этим претендуют на получение сугубо инициатических эффектов в результате прохождения "церковных таинств". Даже в том случае, когда они признают, что такие результаты являются вещью исключительной в наше время, каждый легко причисляет к этому исключению самого себя, что, на самом деле, есть иллюзия, достойная глубокого сожаления.

23

24. Генон намекает здесь на определенные исторические события, связанные с историей определенных священников и богословов и с их текстами, т. е. с теми случаями, когда христианские таинства порождали откровенно инициатические эффекты. — прим. "Милого Ангела".

24

25. Мы не хотим утверждать, что никакие формы христианской инициации не сохранились и позднее, и более того, мы имеем все основания думать, что они существуют и до сих пор, но это относится к группам настолько недоступным и замкнутым, что их просто нельзя принимать в расчет. Конечно, все это справедливо лишь для католической церкви, и в Восточных цреквях дело обстоит несколько иначе.

25

26. В классическом позднеисихастском произведении "Рассказы странника своему духовному отцу", крайне популярном в Православной Церкви вплоть до настоящего времени, процесс инициации описан достаточно подробно. В начале красочно описывается как верующий ощущает неудовлетворенность экзотерической стороной религии и ищет особой духовной практики. Позже он встречает старца (а традиция старчества и является той христианской инициатической цепью, о которой говорит Генон), и тот передает ему три вещи: формулу Иисусовой молитвы (вместе с конкретными техническими правилами ее произношения и другими дополнительными деталями), четки и книгу «Добротолюбия», которую можно считать сводом технических советов, касающихся практики православного эзотеризма. В принципе, было бы крайне интересно подробно разобрать это произведение, которое может служить ярчайшим свидетельством сохранения инициатического и эзотерического измерения в православной традиции вплоть до самого недавнего времени. — прим. "Милого Ангела".

26

27. Заметим, что это призывание божественного имени по-гречески называется «мнеме», т. е. «память» или «воспоминание», что является точным эквивалентом арабского «зикр».

27

28. Заметим, что среди современных исследователей исихазма многие стараются «минимализировать» собственно его «техническую» сторону, то ли потому что это соотстветствует их личной позиции, то ли чтобы избежать ненужной критики, порожденной полным невежеством в инициатических вопросах. Как бы то ни было, это — яркий пример того «потускнения» инициатической традиции, о котором мы упомянули выше.

28

Другой символ, который столь же синонимичен сердцу, как и яйцо, — это плод, в центре которого семя и есть та реальность, о которой здесь идет речь. В каббале это семя обозначается буквой «йод», которая в еврейском алфавите рассматривается как принцип всех остальных букв. — Р.Г.

29

"Золотой зародыш" санскр. — А.Д.

30

Здесь речь идет не об особенных Аватарах, проявляющих себя в ходе различных циклических периодов, но о том, что в действительности изначально является началом всех Аватар, подобно тому, как в исламской традиции Er-Ruh el-muhammadiyah ("Дух Мухаммада") является началом всех пророческих манифестаций, и этот же принцип лежит в основе всего творения. — Напомним, что слово «аватара» обозначает как раз «спуск» принципа в область манифестации, а с другой стороны, выражение «зародыш» во многих библейских текстах применяется к Мессии. — Р.Г.

31

В высшей степени интересное развитие символизм пещеры получил в исследованиях Германа Вирта. Он возводит его к графическому начертанию примордиальной руны UR, которая изначально была образом дугообразного движения солнца над точкой Юга перед зимним солнцестоянием (началом арктической ночи) и после него (концом арктическою ночи), как эти сезонные события видятся на крайнем севере, где согласно Вирту (равно как и Генону) находился изначальный континент Гиперборея. Эти две дуги два символа UR обозначали изначально точку самого зимнего солнцестояния, Юла, который рассматривался как главный сакральный и инициатический праздник, давший начало всему существующему символизму, всем ритуалам, мифам и доктринам Традиции. Юл и его символизм имел самое прямое отношение и к теме Аватара, так как именно в этот миг, в сердце, середине зимы и тьмы рождался Новый Свет, как циклическое откровение Вечности. Пещера — UR есть вместе с тем графическое изображение горы, и у Генона, в "Царе Мира" также исследуется связь «горы» и «пещеры» в связи с местопребыванием Шакраварти и подземной страны. Эта подземная страна также имеет прямое отношение к зимнему солнцестоянию, так как календарная модель года в гиперборейском комплексе связывалась с тремя регионами пространства, где зима относилась к "подземному миру". Интересно заметить, что в русском языке слово «пещера» происходит от глагола «печь», "жарить", а значит и здесь на лицо связь с огненным началом. Поразительным образом, шумерское название «огня» — UR. Этот же корень мы встречаем в названии древних божеств греков — Уран и индусов Варуна. В графическом смысле «дуга» UR может быть понята как "небесный свод", отсюда связь иероглифа UR с богами неба. Будучи перевернутой, руна UR дает иероглиф Чаши, которая также имеет отношение к сердечному символизму (см. Рене Генон "Царь Мира"), примордиальному Центру и т. д. Индийский Варуна, часто выступающий в паре с Агни, является богом Воды, что тесно связано, в свою очередь с символизмом чаши. Агни (бог Огня) и Варуна могут быть рассмотрены как мифологическое развитие двух солнечных полярных дуг. Варуна — дуга перед Юлом, Агни — после Юла. Иногда в древнейших пещерных рисунках и символах, а также в протоиероглифах, посленовогодняя дуга изображается с лучами — это Агни. Герман Вирт считает, что древние

рисунки в пещерах были помещены там не случайно, но в соответствие с самим символизмом пещеры.

В ином значении «пещера» есть знак утробы, земли, ночи, матери. Это снова, на сей раз с иной стороны, соответствует символизму "рождения".

Важно отметить также библейский сюжет о пещере Макпела, где Авраам похоронил Сару. Название «Макпела» на иврите означает «двойная», т. е. — два UR, "две горы" или "две пещеры", две дуги перед зимнем солнцестоянием и после него. В этой пещере по преданию Авраам увидел Адама и Еву, т. е. первых людей, так как зимнее солнцестояние — точка Истока. Здесь же находится "вход в рай", что точно соответствует «центральности» этого пространственно-временного символа. Эти же два UR ("две горы") изображаются традиционно в иконописных сюжетах. См. А. Дугин "Метафизика Благой Вести", М., 1996. К этой же парадигме восходит и две масонские колонны — Иакин и Боаз.

Инициация, "рождение Аватара", происходит между "двух гор", в «пещере» ("в двойной пещере" и т. д. Подробнее см. А. Дугин "Гиперборейская теория", М. 1994 — А.Д.

32

Katha Upanishad, 1 Valli, shruti 14. — Р.Г.

33

Огонь (теджас) содержит в себе два взаимодополняющих аспекта — тепло и свет. — Р.Г.

34

По этой причине, равно как и из-за центрального положения хираньягарбха, есть все основания отождествить его с солнцем. — Р.Г.

35

Yatha pinda tatha Brahmanda. — P.Γ.

36

См. "Царь Мира". Можно заметить также, что отождествление "второго рождения" с посадкой семени luz напоминает описание инициатического процесса в даосизме, где он назван "прививкой бессмертия". — Р.Г.

37

Напомним, что фр. existence, которое здесь и далее переводится нами как «существование», согласно со своим этимологическим значением (от лат. ex-stare) несет идею проявления некоторой вещи (не имеющей в себе своего достаточного основания), и именно в таком смысле употребляется в оригинальном тексте (прим. перев.).

38

Термин wahda можно перевести и как «уникальность», "своеобразие", «уединение», "одиночество" (прим. перев.).

39

Мы попытались установить до какого времени продолжалась переписка Генон — Де Джорджио. Судя по письму Генона Эволе (отправленному 28 февраля 1948 г.), она длилась вплоть до смерти Генона в 1951 г., прервавшись лишь на время Второй мировой войны. Вот отрывок из этого письма, где он говорит о Де Джорджио: «Я тоже долгое время не получал никаких известий от Де Джорджио, но недавно он, наконец, ответил мне, и мы возобновили переписку; похоже он ничуть не изменился, а состояние его здоровья, к несчастью, по-прежнему оставляет желать лучшего». В другом письме к Эволе от 18.4.1949 Генон также упоминает письмо, полученное от Де Джорджио, в котором он сообщил ему о возвращении Эволы в Италию (после Австрии) и его госпитализации в Болонье. Совсем недавно в 492 номере … было упомянуто письмо от 22.3.36, адресованное «Г. д. Дж.».

40

Всё, что должно было бы навеки остаться скрытым от бесцеремонного ока, уже давно стало достоянием публики, по крайней мере, в общих чертах. Поэтому мы не видим оснований замалчивать их или исправлять письма, в которых даны свидетельства «человеческой» составляющей Рене Генона.

41

В письме от 6.4.28 Генон пишет ему: «Меня очень обрадовало, что вы полностью согласны с мыслями, высказанными мной в моей последней работе; впрочем, меня скорее бы удивило обратное. Указанные вами совпадения в моем тексте с тем, что было написано вами ранее, действительно крайне примечательны; я уверен, что это вовсе не случайность (да, к тому же, я не верю в «случай»)».

42

Лейтмотив (на немецком в тексте) (прим. перев.).

43

Граф Альбер де Пувурвиль, отставной французский офицер и дипломат, принявший в Китае даосское посвящение. Под именем Матжои (или Матжиои) написал ряд книг, посвящённых дальневосточным учениям. С ним был знаком и Густав Майринк (прим. перев.).

44

Речь идёт о книге Генона «Человек и его становление согласно Веданте» (прим. перев.).

45

(Нем.) разум и рассудок (прим. перев.).

46

Отрывок из Эволы цитируется в письме на итальянском языке (прим. перев.).